

РОЗМАРИ
РОДЖЕРС

НЕВЕСТА
на одну НОЧЬ

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Серенада – Harlequin

Розмари Роджерс
Невеста на одну ночь

«Центрполиграф»

2011

Роджерс Р.

Невеста на одну ночь / Р. Роджерс — «Центрполиграф»,
2011 — (Серенада – Harlequin)

Для Талии Добсон, несмотря на огромное состояние отца-нувориша, путь в высший свет закрыт. Низкое происхождение и отсутствие светского лоска делают её предметом издёвок и насмешек. К тому же девушка очень застенчива и считает себя дурнушкой. Будущее кажется ей унылым и беспросветным. Но неожиданно она становится графиней Эшкомбской. Жизнь её меняется в одночасье, но к лучшему ли эти перемены? Вместо пышных балов и приёмов – однообразная деревенская жизнь, единственный друг скрывает опасную тайну, не радуют даже знаки внимания супруга – он восхищается Талией, но она имеет все основания сомневаться в его искренности...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	29
Глава 5	36
Глава 6	45
Глава 7	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Розмари Роджерс

Невеста на одну ночь

Rosemary Rogers
Bride for a night

a novel

HARLEQUIN®

Copyright © 2011 by Rosemary Rogers «Невеста на одну ночь»

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Иллюстрация на обложке используется с разрешения Harlequin Enterprises limited. Все права защищены.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением.

Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Глава 1

Слоан-сквер – не самая фешенебельная часть Лондона, однако это вполне приличное место, к тому же располагающееся в удобной близости к более престижным районам. Как правило, там обитали те, кто занимал низкое положение в свете или предпочитал держаться в стороне от суеты Мейфэра.

Однако мистера Сайласа Добсона нельзя было причислить ни к той, ни к другой группе. Мистер Добсон жил в самом большом особняке на углу площади. Люди деликатные называли его «нувориш». Те же, кто был настроен менее доброжелательно, говорили, что этот выскочка как был вульгарным торгашом, так им и остался, несмотря на все свои деньги.

Возможно, Сайласа в конце концов простили бы за то, что дерзнул вторгнуться в благородное общество, если бы он держался скромно, не привлекал к себе внимания, а главное, осознал – аристократы ему никак не ровня.

Однако Сайлас был не из скромников.

Массивный, как бык, с широченной грудью и мясистым, румяным от частого пребывания на свежем воздухе лицом, Сайлас был громогласен и груб – так же, как и работники, трудившиеся на его многочисленных складах по всему городу. Более того, Сайлас, казалось, вовсе не стыдился того факта, что заработал состояние благодаря торговле, поднявшись из самых низов. Младший из двенадцати детей, он начинал с работы в доках, затем стал вкладывать средства в рискованное дело перевозки грузов и, наконец, приобрёл складские помещения, которые за баснословные деньги сдавал в аренду судоходным компаниям.

Сайлас был задирой, не имевшим ни малейшего представления о хороших манерах, и за прошедшие десять лет умудрился неоднократно оскорбить почти всех обитателей Слоан-сквер.

Сайлас, далеко не глупый от природы, сознавал, что джентльменом ему никогда не стать, однако не жалел средств, дабы ввести в круг избранных единственную дочь.

Подобная дерзость ещё больше распаляла праведный гнев высшего света. Впрочем, было обстоятельство, которое их несколько обнадёживало, – ни богатство, ни крутой нрав не помогут сделать из этой серой мышки королеву бала.

Да, она довольно мила – большие изумрудно-зелёные глаза, идеальный овал лица, изящный нос, пухлые губы цвета лепестков розы. Однако в её фигуре с широкими бёдрами и буйных, непослушных кудрях цвета воронова крыла ощущалось нечто простонародное, даже цыганское.

Но главное – мисс Добсон не доставало обаяния, она была слишком застенчива, а значит, обречена всё время оставаться в тени.

Впрочем, недостатка в джентльменах, обладающих благородным происхождением, однако стеснённых в средствах, не наблюдается никогда. Светская жизнь – дорогое удовольствие, особенно если ты – младший сын. Как прикажете угнаться за модой, если тебе не перешло во владение ни одного доходного поместья?

Приданое мисс Талии составляло более ста тысяч фунтов. Казалось бы, она должна была выйти замуж одной из первых. Ради такого куша любой согласился бы закрыть глаза на многое, даже на совершенно неприличное поведение невоспитанного тестя.

Но при всех прочих минусах невеста вдобавок была синим чулком. От смущения не могла двух слов связать и уж тем более не владела тонким искусством флирта – где уж тут очаровать джентльмена? В результате одни глядели на Талию с насмешкой, другие – с жалостью, и все дружно сторонились её, словно она была неприкасаемой.

Аристократы самодовольно злорадствовали, полагая, что провал дочери собьёт наконец спесь с выскочки Добсона. К тому же эта история послужит уроком другим наглецам, полагающим, что доступ в круг избранных можно купить за деньги.

Однако если бы они знали Сайласа Добсона так же хорошо, как его дочь, то не спешили бы праздновать победу.

Сын простого мясника, Сайлас смог достичь высот только потому, что обладал упрямой целеустремлённостью, сносящей все преграды на пути. Целеустремлённостью, граничащей с беспощадностью.

Зная, что Сайласу Добсону лучше не перечить, Талия затрепетала, едва услышав, как под высокими сводами элегантного особняка разносятся оглушительные вопли отца:

– Талия! Талия, ты где? Чёрт, куда провалилась эта девчонка?

Тут же раздался быстрый топот ног – слуги торопились доложить хозяину о её местонахождении. Талия со вздохом отложила книгу о Китае, которую читала, и с грустью окинула взглядом своё временное убежище.

Сводчатые окна выходили на укромный розовый сад и мраморный фонтан, струи которого искрились под тёплым майским солнцем. Стены комнаты опоясывали ряды массивных полок с книгами в кожаных переплётах, а на выполненном в виде купола потолке был изображён мчащийся на колеснице Аполлон. У стены располагался стол орехового дерева, рядом находился камин из украшенного резьбой мрамора, а перед ним с двух сторон стояли два кожаных кресла. Пол застилал восточный ковёр, отливавший рубиново-алым и сапфировым, словно поле из драгоценных камней.

Что и говорить, библиотека была красивая.

Поднявшись с кресла, Талия провела ладонями по зеленовато-голубому подолу простого муслинового платья, жалея, что не переоделась в нарядное шёлковое. Отец будет недоволен.

Впрочем, с мрачной иронией подумала Талия, ей никогда не угодить отцу, что бы она ни надела.

Сказать, что Сайлас был разочарован рождением девочки, значит, не сказать ничего. Он мечтал о сыне, наследнике, а уж никак не о дочери, которая вдобавок уродилась чёрной, будто цыганка, и ни капли не была похожа на утончённых белокурых дебютанток, украшающих собой балльные залы Лондона.

Заранее приготовившись к появлению отца, Талия даже не поморщилась, когда тот резко распахнул дверь библиотеки и наградил дочь гневным, нетерпеливым взглядом.

– Мог бы и сам догадаться – опять торчишь среди своих распроклятых книжек. Только время зря тратишь. – Неодобрительный взгляд отца остановился на простом платье Талии. Заметил он и отсутствие украшений. – Зачем я, спрашивается, выбрасываю столько денег на разные там побрякушки, финтифлюшки? Чтобы ты ходила и красовалась, как все эти светские вертихвостки.

– Но я не просила покупать мне наряды, – тихо напомнила Талия.

Отец фыркнул:

– Ну конечно, тебе дай волю – будешь ходить как подёнщица. Станут говорить, что мне на единственную дочку денег жалко. Нет уж, благодарю покорно.

– Я вовсе не это имела в виду.

Тяжёлыми шагами Сайлас приблизился к столу. Сегодня лицо его было краснее обычного. Казалось, затянутый на толстой шее белый галстук вот-вот задушит его.

Талия забеспокоилась. Отец позволял камердинеру натянуть на себя этот приталенный серый сюртук и жилет в бордовую полоску только в одном случае – если собирался провести день не в конторе, а в светском обществе. Случалось подобное редко, и дело неизменно заканчивалось одним и тем же – отец возвращался домой в отвратительном настроении, а аристократы убить его были готовы.

– Ты меня и так вечно позоришь – двух слов связать не можешь, запинаешься, точно слабоумная! – прорычал Сайлас, схватив хрустальный графин и щедро плеснув себе в бокал бренди.

Талия опустила голову, в очередной раз чувствуя себя ни на что не годной.

– Я стараюсь...

– Хорошо же ты стараешься, как я погляжу, сидишь тут, как сыч, а все твои подружки веселятся на пикнике в Уимблдоне.

Талия ощутила давно привычное разочарование.

– Они не мои подружки. И вообще, меня не приглашали...

– Ах вот оно что! – рявкнул отец. – погоди, я с этим лордом Моррилтоном ещё поговорю.

– Не надо, отец. – Талия испуганно вскинула голову. Она терпеть не могла, когда отец заставлял её куда-то идти. А уж если хозяева будут вынуждены принять её против воли... – Я ведь предупреждала, но вы не стали слушать. Место в обществе нельзя купить ни за какие деньги.

Внезапно гримаса гнева на лице Сайласа сменилась гордой улыбкой.

– А вот это ты в самую точку попала.

Талия насторожилась:

– Не понимаю, о чём вы...

– Я только что разговаривал с мистером Гарри Ричардсоном, младшим братом графа Эшкомбского.

Кто это такой, Талии объяснять не надо было.

Привлекательный джентльмен с каштановыми волосами и светлыми глазами, известный своей обаятельной лихостью, Гарри Ричардсон постоянно шокировал общество самыми невероятными выходками и безудержной страстью к игре. Знали все и о его огромных долгах.

Наблюдая со стороны, Талия пришла к выводу, что причина скандального поведения сего джентльмена вполне ясна – он младший брат великолепного графа Эшкомбского.

В отличие от мистера Ричардсона, обладающего вполне заурядной внешностью, граф Эшкомбский был хорош собой. Просто невероятно хорош.

Бледно-золотистые волосы переливались в сиянии свечей, словно гладкий атлас, а утончённые черты были настолько совершенны, что казалось, перед тобой лицо не простого смертного, а древнегреческого бога. Высокие, скульптурно очерченные скулы, изящный гордый профиль, неожиданно полные губы. А глаза...

По всему телу Талии пробежала сладкая дрожь.

Глаза – серо-серебристые с чёрными ресницами. Они то светились холодным умом, то вспыхивали от пугающей ярости. Довершала чудесную картину стройная, мускулистая фигура прирождённого атлета.

Граф Эшкомбский был одновременно и элегантным, и властным, и хитроумным. Хотя в свете он появлялся редко, высшее общество буквально поклонялось этому человеку.

Наверняка Гарри переживает, что обречён вечно оставаться в тени брата. Неудивительно, что бедняга всеми способами пытается привлечь к себе внимание.

Понимая, что отец ждёт ответа, Талия прокашлялась.

– Ах вот как?

– Ну, чего сидишь, глаза вылупив? – Отец взмахнул мясистой рукой. – Давай зови этого пройдоху-дворецкого и вели, чтоб подал бутылку французского пойла – того самого, за которое я целое состояние отвалил.

Охваченная дурными предчувствиями, Талия рассеянно потянула за шнурок звонка возле камина. Она не могла отвести взгляд от самодовольной усмешки на лице отца.

– И о чём же вы с ним беседовали?

– Я говорил, что пропихну тебя в их так называемый круг избранных, и я своё слово сдержал. – Отец заулыбался ещё шире. – Теперь уж никто не посмеет нос воротить.

Талия, сама не своя от страха, опустилась на край ближайшего кресла.

– О боже, – выдохнула она.

– Меня благодари, а не Бога. Ему такое чудо не под силу, а я в момент всё уладил, за бифштексом и бутылкой бургундского.

Талия облизнула губы, пытаясь хоть немного себя успокоить. Возможно, всё не так плохо, как кажется.

Боже, пусть мои опасения окажутся напрасными...

– Вы, наверное, только что из клуба?

– Ясное дело. – Сайлас состроил гримасу. – Вот ублюдки. Воображают из себя невесть что, а сами хуже разбойников с большой дороги – дерут разные членские взносы, а иначе я, стало быть, не имею права общаться со всякими нудными идиотами. Возомнили, будто они выше честных людей!

– Если их общество так вам неприятно, не понимаю, зачем вы вообще вступили в клуб.

– Ради тебя, дурёха! Мамаша твоя, упокой Господь её душу, хотела, чтоб ты стала настоящей дамой, и уж я это устрою. Хотя задачка не из лёгких.

Отец бросил пренебрежительный взгляд на кудри, выбившиеся из тугого пучка на затылке, затем на запылённый подол – Талия перебирала старые книги.

– Нанял самую дорогую гувернантку и ещё с десятков учителей, чтоб воспитали из тебя благородную барышню. И что? Деньги на ветер! Ни тебе манер, ни благодарности!

Талия поморщилась – возразить было нечего. Отец действительно потратил изрядную сумму, чтобы придать ей светский лоск. Не его вина, что она не обладает талантами, необходимыми для дебютантки.

Не умеет играть на фортепиано. Плохо рисует, отвратительно вышивает. С грехом пополам освоила несколько танцев, но даже во время них постоянно спотыкается о собственные ноги. А уж об искусстве нравиться мужчинам и говорить не приходится.

Впрочем, все эти недостатки были бы не так страшны, хвати у неё ума родиться красивой.

Талия сцепила руки на коленях.

– Очень ценю вашу заботу, отец, но мне кажется, матушка больше всего хотела, чтобы я была счастлива.

– Ничего ты не понимаешь, – отрезал отец. – Глупая девчонка, только и знаешь, что сидеть, в книжку уткнувшись. Предупреждал я гувернантку, чтоб не давала тебе читать эти дурацкие стишки. У тебя от них последние мозги отшибло. – Отец бросил на Талию суровый взгляд. – Повезло, что я знаю, что тебе нужно.

– И что же?

– Выйти замуж за мистера Гарри Ричардсона.

В глазах Талии потемнело, однако героическим усилием воли она всё же сумела не лишиться чувств.

Обмороками делу не поможешь. Да и ничем другим тоже. Но попытаться стоило.

– Нет, – прошептала Талия. – Умоляю, только не это.

Заметив в её глазах слёзы, Сайлас скривился:

– Ну, что опять не слава богу?

Талия вскочила с кресла.

– Не выдавайте меня за незнакомого мужчину!

– Как это – за незнакомого? Тебя же ему представляли, или я что-то путаю?

– Да, – признала Талия. Она готова была поспорить на всё своё немалое состояние, что Гарри Ричардсон забыл о ней в ту же минуту. Во всяком случае, с тех пор он ни разу не удостоил её вниманием.

– Но мы с ним даже не разговаривали толком...

– Какое отношение имеет светская болтовня к браку? Мужчине нужна плодovitая баба, чтоб вовремя понесла да нарожала наследников...

– Отец!

Сайлас прищурился и фыркнул:

– Ты мне эти ужимки брось, неженка. Как есть, так и говорю. Мужчине нужна жена, а женщине – муж, который ей крышу над головой даст да денег на побрякушки подкинет.

Талию снова охватил ужас. Она глубоко вздохнула и прижала ладонь к бешено стучащему сердцу.

О нет, нужно остановить это безумие.

– Боюсь, ваш выбор не слишком удачен, – с трудом выговорила она. – Слышала, мистер Ричардсон игрок и...

Талия запнулась.

– Ну? – поторопил отец.

Чтобы скрыть смущение, она стала прохаживаться из угла в угол по ковру. Талия не хотела признаваться, что использовала своё положение незаметной тихони для того, чтобы подслушивать последние сплетни. А иначе трудно было объяснить, откуда она узнала, что Гарри Ричардсон – распутник, меняющий самых красивых и дорогих куртизанок, как перчатки.

– Мистер Ричардсон не способен обеспечить жену ни домом, ни деньгами на бездельюшки, – вместо этого сказала Талия.

Сайлас пожал плечами. Он явно желал закрыть глаза на многочисленные недостатки потенциального зятя, лишь бы тот обеспечил будущим внукам хорошую родословную.

– А я всё предусмотрел – на твоё приданое куплю приличный дом в Мейфэре и назначу тебе хорошее содержание. – Отец многозначительно умолк. – Попробуй скажи теперь, что я тебя ущемляю.

Всё предусмотрел...

Глядя в суровое лицо отца, Талия не могла сдержать гнева. Мало того что Сайлас готов пожертвовать её счастьем, лишь бы удовлетворить собственные непомерные амбиции. Он ещё и старается повернуть дело так, будто старается исключительно ради неё.

– Но ведь мистер Ричардсон всего лишь младший сын. Я думала, вы намерены выдать меня за джентльмена с титулом.

– На тебя за три сезона никто не позарился, приходится брать что есть. – Сайлас одним глотком опрокинул бренди, и взгляд его опустился с мертвенно-бледного лица Талии на носки собственных сапог. – Это как с гневой кобылой – той, что я весной продавал. Когда торгуешь, иной раз надо и уступить...

Талию передёрнуло. Отцу не раз случалось задеть её гордость и ранить чувства, но так далеко он заходил редко.

– Я не кобыла и не товар.

Отец упрямо выпятил челюсть.

– А жалко – с кобылой-то намного проще. У тебя, как погляжу, больно много запросов, а сама, того и гляди, в девках останешься.

– Разве это так страшно?.. – робко проговорила Талия.

– Хватит пороть чушь! – нетерпеливо рявкнул отец. – Не для того я состояние зарабатывал, чтоб оно какому-нибудь лентяю-племянничку досталось.

Отойдя от стола, отец ткнул в её сторону пальцем.

– Будешь делать, что говорю, и родишь мне внука, наследника. Он пойдёт учиться в Оксфорд, а потом членом парламента станет. Или даже премьер-министром. – Отец самодовольно заулыбался. – Неплохо для внука мясника, а?

– Может, вы его сразу на трон усадите? – не сдержавшись, пробормотала Талия.

– И усадил бы, не будь ты такая бестолковая. – Сайлас развернулся и с грузным топотом зашагал к двери, давая понять, что разговор окончен. Он своё решение принял, и теперь Талии надлежало подчиниться. – Свадьба в конце июня.

– Отец...

– И учти – я хочу, чтоб об этом торжестве целый год говорили, так что без фокусов, – перебил Сайлас, пропустив мимо ушей робкую мольбу дочери, и бросил на неё предостерегающий взгляд. – А будешь артачиться – собирай вещи, отправись к тётке Пенелопе в Йоркшир.

От такой угрозы у Талии внутри всё сжалось.

Пенелопа Добсон была старшей сестрой её отца. Озлобленная на весь мир старая дева, она только и делала, что молилась целыми днями и всячески старалась отравить жизнь окружающим.

После смерти матери Талия почти год прожила в убогом тётинном коттедже, где с ней обращались как с бесплатной служанкой и запрещали лишний раз выходить из тесной комнаты. И всё бы ничего, но эта кошмарная женщина вдобавок завела милую привычку стегать Талию хлыстом за малейшую провинность.

Отец отлично знал, что она скорее в Темзу кинется, чем снова поедет в Йоркшир.

Оставалось только уповать на милость Божию.

Глава 2

К немалому удивлению Талии, рассвет в день её свадьбы был прекрасным и лучезарным, на золотисто-розоватом небе – ни единого облачка. Утро обещало быть прекрасным. Талия ожидала увидеть мрачные серые тучи, которые гораздо больше соответствовали бы её угнетённому состоянию духа.

И что совсем уж невероятно, Талия казалась почти красивой в шёлковом платье цвета слоновой кости с чехлом из серебристого газа и россыпью бриллиантов, украшающей низкий корсаж и подол, из-под которого чуть виднелись атласные туфельки того же оттенка. Тёмные кудри были тщательно уложены в высокую сложную причёску, увенчанную массивной бриллиантовой диадемой. На шее красовалось такое же тяжёлое ожерелье, а уши оттягивали серьги из того же комплекта.

От отца ничего другого ожидать не приходилось.

Сайлас мечтал, чтобы о свадьбе Талии ходили легенды. Тщетно она пыталась объяснить, что такие пышные торжества отдадут дурновкусием, особенно учитывая тот факт, что брак заключается по расчёту.

Однако Сайлас считал, что скромные свадьбы – для тех, у кого не хватает денег на пышные празднества.

Смирившись с тем, что земля, увы, не разверзнется и не поглотит её, Талия молча села в лакированную чёрную карету и позволила отвезти себя в маленькую церковь, где должна была состояться закрытая церемония, после чего надлежало вернуться на Слоан-сквер, где всё уже было готово для торжественного приёма на двести персон.

Талия предвидела, что в этот день произойдёт катастрофа, но, только стоя у алтаря, узнала, что ситуация ещё хуже, чем она думала.

Круглолицый священник в нарядных одеждах был торжественно-серьёзен. Отец, облачённый в лучший чёрный костюм и серебристый жилет, держал Талию под руку. С другой стороны стояла единственная подруга Талии, Ханна Ленсинг, дочь баронета и такая же серая мышка.

Не хватало только одного человека, зато какого!

Шло время, но мистер Гарри Ричардсон всё не появлялся.

Жениха прождали почти два часа, атмосфера в церкви царила угрюмая. Так же мрачно было и на сердце у Талии.

Казалось, она наблюдала за происходящим со стороны, будто униженная, брошенная у алтаря невеста – вовсе не она, а другая девушка.

Даже когда отец выбежал из церкви, ругаясь на чём свет стоит и клянясь, что проклятый ублюдок ещё поплатится – никто не смеет делать дурака из Сайласа Добсона, – Талии продолжало казаться, что всё это происходит не с ней. И потом, когда Талия вернулась домой и двум сотням сторающих от любопытства гостей объявили, что бракосочетание, увы, откладывается, она так и не вышла из оцепенения.

В этом же состоянии Талия сидела в собственной гостиной, декорированной в умиротворяющих тонах лавандового и слоновой кости.

Сидя на диванчике у окна и глядя, как в розовом саду толпятся гости, с восторгом смакующие главный скандал сезона, Талия удивлялась, почему ничего не чувствует.

Ни гнева, ни унижения, ни боли...

Только отстранённое спокойствие.

Талия рассеянно наблюдала, как Ханна меряет шагами персидский ковёр. Шорох её розового атласного платья был единственным звуком, нарушавшим тишину. Бедняжка явно не знала, как вести себя в подобной ситуации.

– Наверное, у него что-то случилось, – в конце концов пробормотала Ханна. Круглое лицо покраснелось, пышные каштановые кудри выбились из серебряных гребней.

Талия пожала плечами – откровенно говоря, ей было глубоко безразлично, почему Гарри не явился на собственную свадьбу.

– Думаешь? – вяло произнесла она.

– Ну конечно. – В карих глазах Ханны читалось неприкрытое сочувствие. – Должно быть, по дороге в церковь у мистера Ричардсона перевернулась карета, и пострадала вся семья.

– Вполне возможно.

– Ах, что я говорю! – Ханна прижала ладонь к пышной груди. – Не подумай, будто я желаю им зла...

– Конечно нет.

– Просто это объяснило бы...

– Почему меня бросили у алтаря?

Ханна состроила смущённую гримасу:

– Д-да...

В гостиной повисло неловкое молчание, и Талия попыталась придумать повод избавиться от подруги. На ум ничего не шло.

Талия, разумеется, была благодарна Ханне за поддержку, но сейчас ей больше всего хотелось побыть одной.

Кашлянув, Талия оглянулась на дверь:

– Отец ещё не вернулся?

– Хочешь, пойду узнаю?

– Если тебе нетрудно.

Ханна была только рада – наконец-то понятно, что делать!

– Ну что ты. Заодно велю подать тебе чаю.

При одной мысли о еде Талию передёрнуло.

– Я не голодна.

– Ты такая бледная. – В добрых глазах Ханны светилась искренняя тревога. – Надо хоть немного перекусить.

– Хорошо, уговорила. – Талия выдавила улыбку. – Спасибо.

– Не за что. Я же твоя подруга.

Ханна вышла из комнаты и прикрыла за собой дверь. Талия облегчённо вздохнула. Позже она сможет по достоинству оценить преданность Ханны. Ведь подруга могла использовать скандал в личных интересах и повысить собственный статус среди светских сплетниц.

Но Ханна не отходила от Талии ни на шаг, готовая поддержать и утешить.

Не её вина, что Талии не хочется ни рыдать, ни заламывать руки, как подобает публично отвергнутой невесте.

Нахмурившись, Талия открыла окно, чтобы впустить в комнату свежий воздух. Отчего-то ей было душно. Слишком поздно Талия заметила двух гостей – те отошли от банкетных столов и стояли прямо под её окнами.

– Боже, Люсиль, что тебя так взволновало? – ахнула одна из леди.

– Разве ты не слышала последние новости?! – воскликнула вторая.

Талия хотела опустить раму, но потом замерла в нерешительности.

Глупо! Какое ей дело до слухов? Никакие пересуды не могут оказаться унижительнее того, что она сегодня пережила.

И всё же Талия не могла сдержать извращённого любопытства.

– Расскажи, – выдохнула первая леди. Её голос показался Талии смутно знакомым.

– Говорят, вчера вечером лорд Эддингс видел пропавшего жениха в каком-то низкопробном игорном заведении.

– Что ж тут удивительного? Любовь к картам его и погубила, иначе Гарри в голову бы не пришло делать предложение этой неуклюжей гусыне.

Руки Талии сжались в кулаки. Гусыня. Этим прозвищем её наградили ещё в первый сезон.

– Так вот, вчера Гарри несколько перебрал с алкоголем и признался, что не намерен брать в жёны тупоумную простолюдинку.

– Прелестно! – послышалось злорадное хихиканье. – Но зачем тогда Гарри просил её руки? Неужели с самого начала хотел выставить её всем на посмешище?

– Эддингс говорит, что хитрый мальчишка выпросил у будущего тестя часть приданого на покупку особняка в Мейфере, который он якобы подыскал. – Рассказчица выдержала драматичную паузу. – А сам намерен исчезнуть вместе с деньгами.

Другая леди потрясённо ахнула:

– Святые угодники!

– Вот именно.

Талия понимала, что тоже должна возмущаться.

Несмотря на то что со дня помолвки Гарри ей двух слов не сказал, он, казалось, смирился с необходимостью брака. Талия и предположить не могла, что Гарри обманет её отца и бежит из Лондона, присвоив часть приданого.

Бросит её.

– Затея смелая, но теперь Сайлас Добсон его из-под земли достанет, – произнесла первая леди. При упоминании этого имени голос её дрогнул от отвращения. – Пустит по следу целую шайку головорезов, чего ещё ждать от такого дикаря?

– Согласна.

– И потом, скандал... Граф Эшкомбский будет рвать и метать!

В этом Талия очень сомневалась.

По слухам, когда Гарри сообщил брату о своём намерении жениться на дочери Сайласа Добсона, тот объявил, что умывает руки.

– Если Гарри сбежит на континент, там его никто не найдёт, – продолжала та, которую звали Люсиль.

– На континент? В разгар войны?

Люсиль рассмеялась.

– Видимо, лучше получить пулю от наполеоновского солдата, чем гусыню Добсон в жёны.

– Гарри понять можно, – с лёгкостью согласилась собеседница. – Но не собирается же он вечно оставаться в изгнании!

– Разумеется. Через год-другой страсти утихнут, и Гарри вернётся победителем.

– По-твоему, граф с радостью примет блудного сына... то есть брата? – щёлкнул веер. – Лично я бы сказала, он не из тех, кто прощает и забывает. Если честно, иногда я его побаиваюсь.

– Да, он грозен, зато до чего красив! – прозвучал восхищённый вздох. Так вздыхали многие светские дамы. – Какая досада, что граф редко бывает в обществе!

– По крайней мере, в хорошем обществе.

– Ради него я бы поступилась любыми приличиями.

Обе дружно захихикали.

– Что ты такое говоришь, душка!

– Смотри, Кэтрин идёт. Надо ей рассказать!

Зашуршали шелка – обе дамы отправились прочь, голоса их звучали всё тише, но слова разобрать было можно.

– Знаешь, а мне даже жаль бедняжку.

Талия поморщилась. Это был тот случай, когда тон говорил сам за себя. Никакой жалости, одно злорадство.

– Мне тоже, – промурлыкала вторая. – Теперь она из дому выйти не посмеет.

– И поделом. Ей с самого начала следовало помнить своё место, – раздалось презрительное, высокомерное фырканье. – Так случается со всеми выскочками.

Несмотря на жару, Талия задрожала.

Конечно, оцепенение так и не прошло, однако Талия была неглупа. Она понимала, что скоро защитный панцирь треснет и тогда её ждёт жизнь полная позора.

Не приходилось надеяться, что отец позволит ей оставить свет, пока шумиха не уляжется.

Нет, для Сайласа Добсона любое отступление равносильно поражению. Чтобы сохранить гордость, он с лёгкостью переступит через боль и стыд дочери.

Так Талия размышляла о своём беспросветном будущем, но тут дверь распахнулась, и вошла Ханна с большим серебряным подносом в руках.

– А вот и чай. – Ханна говорила преувеличенно бодро, будто с больной. – Ещё принесла чуть-чуть форели в сливочном соусе, свежую спаржу и немножко клубники.

– Спасибо, – тихо перебила Талия. От одного запаха рыбы к горлу подступила тошнота.

Почувствовав состояние Талии, Ханна приблизилась к белому мраморному камину, возле которого стоял низкий столик вишнёвого дерева.

– Я всё оставлю здесь, хорошо?

Талия изобразила слабую улыбку.

– Ну что, видела отца?

– Нет. Он... – Ханна запнулась и начала кусать нижнюю губу.

– В чём дело?

– Говорят, с тех пор, как мистер Добсон выбежал из церкви, его никто не видел.

Талия пожала плечами. Отцу хватит упрямства хоть всю жизнь разыскивать обидчика.

– Ах вот как.

Ханна прокашлялась.

– Наверное, он скоро вернётся.

– Не сомневаюсь, – произнёс из-за двери протяжный голос, от которого словно веяло пороком. – Подобные люди – как тараканы. Если появляются, от них уже не избавишься.

Талия оцепенела от испуга. Она сразу узнала этот голос, да и как не узнать? Талии было стыдно в этом признаться, но из своего уголка она всегда следила за графом Эшкомбским, точно влюблённая школьница.

Всё в нём завораживало Талию – и благородная красота, и грация хищника перед прыжком. Граф напоминал ей ягуара, которого она видела на картинке в книге. Такой же изящный и при этом смертельно опасный.

К тому же явное пренебрежение, с каким граф относился к обществу, было для Талии как бальзам на душу. Выходит, не ей одной эти люди кажутся легкомысленными и пустыми.

Однако на этот раз, глядя на потрясающе красивое лицо и холодные серебристые глаза, Талия ощущала отнюдь не упоительный восторг.

По спине пробежал холодок дурного предчувствия.

Глава 3

Уж кто-кто, а Габриэл, шестой граф Эшкомбский, мог позволить себе быть циничным мерзавцем.

Эту привилегию он заслужил по праву.

В восемнадцать лет на его юные плечи легло непомерное бремя титула – Габриэл был вынужден отвечать за несколько огромных имений, сотни слуг и мать, которая из чистого каприза могла провести в постели несколько недель подряд.

Не говоря уже о Гарри.

Брат был на шесть лет младше Габриэла, и мать с детства баловала его самым возмутительным образом. Габриэл, как мог, пытался этому помешать, однако большую часть года проводил в школе, а когда всё же приезжал в Кэррик-Парк, семейное поместье в Девоншире, то был слишком занят – отец обучал его сложным обязанностям графа.

В результате Гарри привык следовать самым скверным своим наклонностям. Его исключали из школы за попытки смухлевать на экзамене, Гарри неоднократно проигрывал своё щедрое содержание и по меньшей мере два раза дрался на дуэли. А уж когда переехал в Лондон...

Все пороки Гарри усугубились многократно. Он стал завсегдатаем игорных и публичных домов, а также участвовал в самых диких, нелепых пари.

Габриэл пытался проявить строгость, но мать всякий раз сводила его усилия на нет. В отчаянии Габриэл пригрозил графине, что отправит её обожаемого Гарри в деревню, если тот не научится распоряжаться деньгами как подобает.

Габриэл предвидел, что Гарри начнёт умолять, врать и всячески изворачиваться, дабы избежать ссылки. Но ему и в страшном сне присниться не могло, что братец обручится с дочкой простолюдина-выскочки. Позор на всю семью.

Мать, конечно, сразу схватилась за флакончик с нюхательной солью и слегла в постель, потребовав перед этим, чтобы Габриэл спас её обожаемого сыночка из лап коварной злодейки. Тот, однако, заявил, что вмешиваться не намерен. Если брат намерен губить своё будущее с дочерью Сайласа Добсона, он, Габриэл, умывает руки.

Войдя в гостиную, он мрачно улыбнулся. Мог бы догадаться, что Гарри найдёт способ спасти свою шкуру, а разбираться с последствиями предоставит брату.

Надев привычную маску ледяного спокойствия, Габриэл мельком оглядел комнату, едва удостоив взглядом темноволосую толстуху, после чего устремил взор на окно, возле которого сидела вторая девушка.

Мисс Талия Добсон.

Как Габриэл и предвидел, его сразу охватили злость и досада. Любой бы взбесился, угодив в такую ловушку. Но вот чего Габриэл совсем не ожидал, так это смутного чувства узнавания. Он удивился, что запомнил пышные чёрные кудри мисс Добсон, которые не могли сдерживать никакие шпильки, и её сияющие на солнце изумрудные глаза. Габриэл вспомнил, как от нечего делать гадал: интересно, какова на ощупь её белая кожа? А пышные формы?

Сейчас одна мысль об этом только усилила гнев.

Да, эта девица в совершенстве освоила роль скромницы, но теперь стало очевидно, что в алчности и хитрости она не уступает грубияну-отцу.

– Ах. – Незнакомая толстуха выпорхнула на середину гостиной. К удивлению Габриэла, комната была обставлена просто и элегантно – он сам предпочитал как раз такой стиль. Гостиная мисс Добсон выгодно отличалась от других покоев в доме, заставленных вульгарной лакированной мебелью с ярко-алой обивкой. – Милорд...

Габриэл пренебрежительно махнул рукой, даже не взглянув на неё:

– Можете идти.

– Но...

– Я не привык повторять дважды.

– Да, милорд, – выдохнула толстуха и поспешила исполнить приказ.

Габриэл продолжал смотреть на мисс Добсон. Та, в свою очередь, тоже не сводила с него испуганного взгляда. Будтомышь, завидевшая голодного кота.

Неужели эта нахалка и впрямь надеялась, что он позволит себя шантажировать? В таком случае её ждёт большое разочарование.

Мисс Талия Добсон горько пожалеет, что решила загнать в угол графа Эшкомбского.

Будто почуяв исходившую от неожиданного посетителя ярость, Талия непроизвольно отпрянула, прижавшись спиной к оконному стеклу.

– Собираетесь завершить этот фарс прыжком из окна? В таком случае советую дожждаться ухода гостей, иначе вам могут помешать, – насмешливо произнёс Габриэл, скрестив на груди руки. Он был одет в синий сюртук, идеально сочетающийся с жилетом цвета слоновой кости и бриджами из тёмно-жёлтой бычьей кожи. Габриэл намеревался провести весь день на аукционе «Таттерсолз» и приобрести пару хороших гнедых для новой кареты. А заодно и укрыться от матушкиных истерик – она всё ещё требовала, чтобы Габриэл любыми способами предотвратил свадьбу. Но, когда Добсон так бесцеремонно ворвался в его дом, Габриэл рассудил, что ради этой семейки переодеваться не стоит.

– Впрочем, вашу свадьбу и без самоубийства будут обсуждать ещё очень долго.

Мисс Добсон растерянно моргнула и тряхнула головой. Будто надеялась, что граф Эшкомбский – мираж, который можно заставить исчезнуть.

– Могу я узнать, что привело вас сюда?

– Полагаю, причина вам отлично известна.

Талия нахмурилась:

– Вы принесли новости о брате? С ним что-то случилось?

Габриэл нахмурился. Этой девице ещё хватает наглости изображать святую невинность.

– Пожалуйста, бросьте ваши дамские уловки, мисс Добсон. Я уже говорил с вашим отцом. – Габриэл с отвращением поджал губы. – Должен признаться, беседа была не из приятных.

Талия вскочила, прижав ладонь к соблазнительной груди.

– С отцом?

Руки Габриэла сжались в кулаки. Неужели можно нарочно заставить себя побледнеть?

– Вынужден отдать вам должное – вы весьма убедительны в роли несчастной жертвы, – язвительно произнёс он. – Может, вам удалось бы смягчить даже моё каменное сердце, однако мне известно, что вы с отцом – бессовестные мошенники, готовые на всё, лишь бы заполучить тёплое местечко в высшем обществе.

– Знаю, вы с самого начала не хотели, чтобы Гарри женился на мне...

Габриэл резко, пронзительно рассмеялся:

– Поверьте, ещё больше я не хочу жениться на вас сам.

– Что?.. – Мисс Добсон пошатнулась, и Габриэл уже решил, что сейчас она упадёт без чувств. Весьма предсказуемо. Но мисс Добсон с видимым усилием сделала глубокий вдох и расправила плечи. – Жениться на мне?.. – Она покачала головой. – Вы, должно быть, шутите.

– Какие уж тут шутки!

– Боже правый.

– Теперь вам никакие молитвы не помогут.

– Умоляю, объясните, что происходит, – тихо попросила мисс Добсон. – Я совсем запуталась.

Габриэл сурово сказал себе, что никакими жалобными взглядами изумрудных глаз его не растрогаешь.

Проклятье! Да эта особа – настоящая актриса. Они с отцом два сапога пара.

А вдруг нет?..

– Значит, намерены и дальше притворяться? – сухо произнёс Габриэл. – Что ж, как вам угодно. Целый час я выслушивал грубейшие оскорбления и угрозы вашего батюшки, после чего пришёл к выводу, что угодил в безупречно продуманную ловушку. Я бы даже восхитился хитрости мистера Добсона, окажись незадачливой жертвой кто-то другой. Но это меня вынуждают вести к алтарю девушку, которую добровольно никто в жёны не возьмёт.

Повисла долгая пауза. Тишину нарушали только тиканье золочёных бронзовых часов на каминной полке и смутный гул голосов в саду.

– Ничего не понимаю, – наконец проговорила Талия. – Мой жених – Гарри, а не вы.

– У моего братца есть очаровательная привычка делать всё, что взбредёт в голову, не заботясь о последствиях. А когда приходит время расплачиваться, он исчезает, свалив всю ответственность на меня.

– Но... – Талия облизнула пересохшие губы. – Может быть, вы знаете, где он может быть?

– Есть несколько версий, но какая теперь разница, где он прячется? – Габриэл даже не старался сдержать горечи.

Мисс Добсон заломила руки. На лице её отразилось самое неподдельное отчаяние.

– Полагаю, утреннего происшествия уже не скроешь, но если разыскать Гарри и уговорить его вернуться в Лондон...

– Вы что же, готовы стать его женой? После того как он бросил вас у алтаря?! – рявкнул Габриэл. Почему-то его раздражало упорное желание мисс Добсон стать женой Гарри.

Она что, влюбилась в этого бездельника?

Или это очередной ловкий трюк?

Ни один из вариантов Габриэлу не нравился.

– Такова воля отца, – тихо произнесла мисс Добсон.

– Была его воля, пока он не сообразил, что можно расставить сети на более крупную дичь, графа. Теперь младшего сына ему мало.

Казалось, резкие слова Габриэла привели мисс Добсон в замешательство. Жилка на шее пульсировала, будто крошечная птичка, пытающаяся вырваться из клетки.

Габриэл представил, как приникает к этому месту губами. Действительно ли она так привлекательна, как кажется? Или это снова обман?

К счастью, Талия о его неуместных мыслях даже не догадывалась. Она задумчиво нахмурила лоб.

– Да, отец приобрёл некоторое влияние в обществе, но как он может заставить вас жениться на мне?

– Очень просто – шантажом.

– Шантажом?

– Мистер Добсон пригрозил подать на моего брата в суд за нарушение договорённости. Таким образом, имя моей семьи окажется на страницах всех скандальных газет Англии.

Мисс Добсон вздрогнула. Неожиданно её мертвенно-бледное лицо залил алый румянец.

– Ах вот как...

– Да, именно так, – усмехнулся Габриэл. – Ваш отец понимает, что я готов на что угодно, лишь бы защитить свою мать от публичного позора.

– Я... – Мисс Добсон беспомощно развела руками. – Мне очень жаль.

Габриэл и сам не заметил, как приблизился к ней вплотную, пока не ощутил приятный, тёплый аромат. Сиреневая вода, рассеянно отметил он, и ещё что-то успокаивающее, надёжное, будто земля... это уже её собственный запах.

– Неужели?! – прорычал Габриэл.

– Да. – Под его грозным взглядом Талия затрепетала. – Понимаю, вам трудно в это поверить, но меня вся эта комедия возмущает не меньше, чем вас.

– Не просто трудно, а невозможно, мисс Добсон, – возразил Габриэл, убеждая себя, что эта вспышка гнева вызвана новой порцией лицемерия, а не тем, что мысль о браке с ним, кажется, приводит мисс Добсон в отчаяние. – Я встречал немало женщин вашего типа.

– Моего типа?

– Вульгарных особ, которые только и думают, как бы поймать выгодного жениха. – Габриэл окинул взглядом её соблазнительные формы под серебристой тканью скромного платья. Если б у этой особы хватило смелости выставить свои главные богатства напоказ, жених нашёлся бы гораздо раньше. – Правда, обычно такие женщины бывают более...

– Привлекательными? – предположила она. В изумрудных глазах мелькнула горечь.

– Искушёнными, – поправил Габриэл.

– Простите, что разочаровала. Видимо, так уж мне на роду написано, – проговорила мисс Добсон так тихо, что он едва расслышал. – В свою защиту могу сказать, что не упражнялась в искусстве нравиться, потому что никогда особенно не старалась заполучить мужа.

Габриэл нахмурился. Значит, у этой серой мышки всё-таки есть характер.

– Ваши слова звучали бы более убедительно, если бы вы не подкупили моего брата совершенно неприличной суммой денег.

– Это не я, а отец... – Мисс Добсон умолкла и с досадой покачала головой. – Впрочем, какое это имеет значение?

– И впрямь никакого. – Габриэл взял её за подбородок и пристально взгляделся в удивительно невинные для такого коварного существа глаза. – Я не так глуп, чтобы поверить, будто вы – ни о чём не подозревающая пешка в отцовской игре. Но даже если и так, жениться на вас я в любом случае не желаю.

Она вздрогнула, густые ресницы опустились, чтобы скрыть затаённую боль во взгляде. Габриэл стиснул зубы, борясь с чувством, подозрительно напоминающим раскаяние.

Чёрт возьми! Ему-то в чём раскаиваться?

– Понимаю, милорд, – наконец произнесла мисс Добсон. – И всё же что привело вас сюда?

– Разве не ясно? Хотел обсудить с вами... – Габриэл с трудом заставил себя договорить, – свадьбу.

– Зачем? – Мисс Добсон дёрнула плечом. – Судя по всему, чтобы решить моё будущее, вам с отцом не обязательно спрашивать меня.

Пальцы Габриэла сжались на её подбородке.

– Не надо испытывать моё терпение, мисс Добсон. На сегодня с меня хватит.

Мисс Добсон с досадой поджала губы, но возражать не стала. Высвободившись из его хватки, указала на ближайшее кресло:

– Присаживайтесь.

– Ни к чему, разговор будет коротким.

Мисс Добсон медленно кивнула, на лице застыла сосредоточенность.

– Прекрасно.

– В понедельник получу специальное разрешение у архиепископа Кентерберийского. Мы с ним хорошие друзья, так что проблем не возникнет.

Она поморщилась:

– Разумеется.

– Церемония пройдёт в часовне в моем доме, – продолжил Габриэл. – Священника я найду, а свидетелями могут выступить слуги.

До Талии не сразу дошёл смысл его слов, но тут глаза её округлились.

– А как же отец...

– Его на свадьбе не будет. – Габриэл всем своим видом давал понять, что по этому вопросу намерен оставаться непреклонным. – Никаких гостей.

– Желаете сохранить наш брак в секрете?

– Увы, не получится. Во всяком случае, постараюсь свести фарс к минимуму. – Габриэл повернулся к окну. Гости до сих пор продолжали смаковать свежий скандал. – Всю следующую неделю держитесь подальше от светских сплетников. И предупредите отца, чтобы не хвастался будущим зятем, иначе пожалеет.

У мисс Добсон хватило совести смутиться, однако пульс на шее бился часто и порывисто. Вне всякого сомнения, она едва сдерживалась, чтобы не влечь ему пощёчину.

– А после свадьбы?

– Прошу прощения?

– Я и дальше должна буду ото всех скрываться?

– Почему же скрываться? Вы самым официальным образом обоснуетесь в моём поместье в Девоншире.

Она растерянно моргнула.

– Значит, ссылаете меня в деревню?

– Если мои условия вам не по душе, мисс Добсон, уговорите отца подыскать другую жертву.

Талия резко повернулась на каблуках и пристально уставилась в окно, на незваных гостей.

– Имей я хоть какое-то влияние на отца, мне не пришлось бы обручаться с вашим братом, и сейчас мы не оказались бы в такой ужасной ситуации.

Габриэла охватила бессильная злость. Новый проблеск сочувствия чуть было не подорвал его решимость.

Да что это такое? Он и так уже пошёл на поводу у этой хитрой семейки, не хватало ещё поверить в искренность дочери Сайласа Добсона.

– Значит, нам обоим придётся примириться с неизбежным, – выпалил Габриэл и, развернувшись, зашагал к двери.

– Похоже что так, – прошептала она за его спиной.

Габриэл замер на пороге и оглянулся:

– Кстати, мисс Добсон...

– Да?

– Я бы предпочёл, чтобы впредь вы не обвешивались такими кричащими украшениями. Смотреть невозможно. – Он пренебрежительно указал на огромные бриллианты её ожерелья. – Графине Эшкомбской не к лицу привлекать к себе внимание подобными уловками.

Нанеся этот последний удар, Габриэл покинул комнату и зашагал по коридору, удивляясь, почему не ощущает ни капли удовлетворения.

Талия сортировала постельные принадлежности, нуждавшиеся в починке, когда в дверях бельевой появился дворецкий.

Как всегда, она замерла при виде подтянутого седовласого слуги, облачённого в безупречную чёрную форму. Этот человек держался с поистине королевским достоинством. Хозяину до него было расти и расти.

Комичность ситуации ощущал даже Сайлас Добсон – ему доставляло удовольствие шокировать благовоспитанного и сдержанного дворецкого. Однако Андерсон безупречно исполнял служебные обязанности, собственное же мнение держал при себе.

Впрочем, это было вполне объяснимо. Несмотря на многочисленные недостатки мистера Добсона, он понимал, что на жалованье для слуг скупиться не стоит – приличное вознаграждение заставит закрыть глаза на сколь угодно тяжёлый характер.

Убрав со лба выбившуюся прядь, Талия нахмурилась. Андерсон почти никогда не заходил на «женскую территорию».

– В чём дело?

– К вам граф Эшкомбский, – официальным тоном объявил Андерсон. – Что мне сказать его светлости?

Талия вскочила, простыня выскользнула из онемевших пальцев. Граф Эшкомбский?..

Несмотря на то что со дня помолвки прошла неделя, у Талии до сих пор не укладывалось в голове, что они обручены. Более того, последние несколько дней Талия убеждала себя, что в конце концов граф Эшкомбский поступит так же, как его брат.

Каждое утро Талия просыпалась с мыслью, что сейчас откроет газету «Лондон таймс» и прочтёт, что граф Эшкомбский отменил необдуманную свадьбу – несмотря на угрозу скандала.

Тогда для чего он пришёл?

Объявить о своём решении лично? Но зачем? Гораздо проще было бы написать письмо, это избавило бы обоих от неловкой сцены.

Поняв, что пауза затянулась, Талия нервно прокашлялась.

– Вы сказали, что отца нет дома?

Андерсон чуть наклонил голову:

– Граф желает говорить с вами, мисс Добсон.

– Ах вот как. – Талия нехотя сняла передник, прикрывавший муслиновое платье, самое простое, в цветочек. – В таком случае проводите его в гостиную.

Дворецкий поклонился, не сгибая спины:

– Будет исполнено.

Андерсон уже шагнул за порог, как вдруг Талия спохватилась – она совсем позабыла об обязанностях гостеприимной хозяйки. А ведь гувернантки ей с детства только об этом и твердили.

Впрочем, Талии редко доводилось применять полученные знания на практике.

К грубияну Сайласу Добсону и его неуклюжей дочке гости не заглядывали. Лондонское общество предпочитало вообще не вспоминать об их существовании.

– Извините, Андерсон...

– Да, мисс?

– Скажите миссис Найт, чтобы подала графу чего-нибудь выпить.

– Разумеется.

Хотя аскетичное лицо дворецкого оставалось бесстрастным, в его отрывистом кивке промелькнул намёк на одобрение.

Когда Андерсон удалился, Талия вымыла руки и поправила синий поясок под грудью. Затем нехотя покинула бельевую.

К тому времени, как она дошла до большой гостиной, сердце бешено колотилось, а ладони вспотели, но Талия решительно шагнула в комнату, обставленную блестящей от лака мебелью с алой обивкой. Талия боялась, что, если будет медлить, так и не решится войти и сбежит, как жалкая трусиха.

Впрочем, идея побега начинала казаться всё более притягательной. Особенно при виде высокого, золотоволосого мужчины, от одного взгляда на которого сердце каждый раз замирало.

Этим утром граф Эшкомбский был облачён в безупречно сидящие голубой сюртук и серебристый жилет. В непринуждённой позе он стоял возле разукрашенного резьбой камина, и его элегантность ещё сильнее подчёркивала царящую вокруг безвкусицу – позолоченные потолки, расставленные в каждом углу огромные китайские вазы...

При виде Талии граф застыл и окинул её слишком пристальным, каким-то хозяйским взглядом.

Талия смутилась: она вдруг почувствовала, что выглядит совершенно неподобающим образом. Кружева на платье истрепались, а простая коса – причёска, скорее подобающая служанке, а не благовоспитанной леди. Талия и не догадывалась, что горячий, влажный воздух в бельевой заставил тонкую ткань плотно облепить её фигуру. А выбивавшиеся из причёски блестящие кудри только подчёркивали естественную, природную красоту. Для мужчины, пресытившегося лощёными совершенствами светских красавиц, всё это было как глоток свежего воздуха.

Талии и в голову бы не пришло, что сейчас этот самый мужчина воображает, как она лежит на лугу среди цветов, а он срывает с неё поношенное платье, обнажая чистую, белоснежную кожу.

Она не понимала, почему взгляд графа так смущает её и отчего ей вдруг стало жарко – такого с ней раньше не случалось.

Облизнув пересохшие губы, Талия присела в неловком реверансе:

– Боюсь, вы застали меня врасплох, милорд.

Будто очнувшись от какого-то сна наяву, граф Эшкомбский отошёл от камина. Красивые черты исказила саркастическая гримаса.

– Неужели мне нужно приглашение, чтобы навестить собственную невесту? – насмешливо ответил он.

Талия покраснела ещё сильнее.

– К сожалению, я не готова принимать гостей. Если не возражаете, я переоденусь...

– Как раз так возражаю, – перебил граф. – У меня мало времени, Талия, я очень занятой человек. – Губы изогнулись в насмешливой улыбке. – К тому же мы оба понимаем, что меня привело сюда отнюдь не желание насладиться вашей неземной красотой.

Талия вздрогнула. Несмотря на твёрдую решимость не реагировать на его издёвки, она была задета.

– Вовсе ни к чему осыпать меня оскорблениями, – тихо, почти неслышно произнесла она. – Если желаете отменить свадьбу, лучше не тяните время и скажите об этом прямо. Видите ли, у меня тоже есть дела.

– Какого чёрта? – Потрясённый, граф Эшкомбский сдвинул брови. – По-вашему, я приехал отменить свадьбу?

– Зачем же ещё?

В серебристых глазах сверкнула угроза.

– Ваш отец передумал подавать в суд на моего брата?

– Он... – Талия покачала головой. – Отец не обсуждает со мной свои намерения.

– Стало быть, у вас нет оснований подозревать, что мистер Добсон изменил решение?

Талия опустила плечи:

– Нет.

Габриэл ощутимо расслабился и нетерпеливо махнул рукой.

– В таком случае брак этот может предотвратить только чудо.

Талия никак не могла понять, что означает странное поведение графа. Почему он вдруг разозлился? Можно подумать, будто на самом деле он не желает отмены свадьбы.

Да нет же, граф вышел из себя оттого, что просто не хочет говорить на эту неприятную тему.

Ну конечно.

– Могу я узнать цель вашего визита?

Граф покачал головой, подошёл к каминной полке, взял с неё пачку бумаг и резко сунул их Талии в руки.

– Перед свадьбой ваш отец должен всё это подписать.

Талия озадаченно разглядывала пергаментные листы.

– Что это?

– Документы, которые защищают мои интересы.

– Защищают? – Нахмурившись, Талия подняла глаза. – От меня?

– И от вас тоже, но главное, от Сайласа Добсона.

– Разве он может вам что-то сделать?

Граф пожал плечами:

– Читайте, там всё написано.

Талия опустила взгляд на документы. Сердце так и упало.

В гостиной повисло молчание. Талия пыталась разобраться в мудрёных юридических терминах. Но уже через пару абзацев поняла, что лучше бы сюда не заглядывала.

Потрясённая, Талия ахнула: в этом документе хладнокровно говорилось о личных, интимных вещах, которые должны оставаться между мужем и женой.

Талию шокировало вовсе не то, что всё приданое целиком переходит в распоряжение супруга, и даже не крошечная сумма содержания, полагавшегося на её «домашние расходы». Не стал неожиданностью и тот факт, что в случае расторжения брака ей ничего не полагалось. Всё это Талия предвидела с самого начала.

Но при одной мысли, что граф Эшкомбский обсуждал с незнакомым человеком интимную сторону их супружеской жизни, Талии сделалось дурно.

– Значит, вы уже заранее подозреваете меня в супружеской неверности? – резко произнесла Талия, бросив на него оскорблённый взгляд.

Тот пожал плечами с таким высокомерным видом, что Талии сразу же захотелось влить ему пощёчину.

– Увы, ваша моральная чистоплотность вызывает сомнения, а становиться рогоносцем я не намерен.

Талия сжала кулаки. Чурбан бесчувственный.

– Могу ли я рассчитывать на аналогичные гарантии вашей верности?

Граф мрачно улыбнулся:

– Нет, конечно.

– А вам не кажется, что это несправедливо?

Без предупреждения он стремительно подошёл к ней и взял Талию за подбородок. Это прикосновение словно обожгло её кожу.

– Я вовсе не собираюсь хранить вам верность, дорогая, – тихо произнёс граф. Его глаза пристально вглядывались в её бледное лицо. – Вы не в том положении, чтобы диктовать условия.

– Значит, вот каковы ваши условия? Будете проводить время в Лондоне, выставляя напоказ своих любовниц, я же останусь в деревне, разыгрывая роль хорошей жены?

Талия почувствовала исходящее от него тепло, и по коже пробежала дрожь. Как часто она мечтала, чтобы этот мужчина пригласил её на танец и, прижав к себе, закружил по бальному залу... Но наивные фантазии не могли подготовить неопытную девушку к действительности.

– А вы как думаете?! – прорычал он.

Талия опустила ресницы, не желая давать графу повод позлорадствовать. Представлять графа в объятиях другой женщины было невыносимо больно.

– Думаю, вы готовы на всё, лишь бы унижить меня.

Граф опустил голову так, что Талия ощутила щекой его тёплое дыхание.

– Предпочитаете, чтобы я сидел подле вас, изображая заботливого мужа?

Талия поспешно отстранилась. Собственные реакции на его присутствие приводили её в растерянность и смятение.

– Глупо просить о невозможном, – тихо произнесла Талия. – Но для разнообразия было бы приятно...

– Что было бы приятно? – переспросил граф, и Талия смущённо умолкла, поняв, что слишком разоткровенничалась.

Талия обхватила себя руками, словно пытаясь защититься.

– Не становиться объектом насмешек, стоит мне выйти из дому, – с трудом выдавила Талия.

Граф задумчиво поглядел на неё.

– Так вот почему вы хотите за меня замуж? – спросил он. – Рассчитываете, титул графини Эшкомбской поможет вам завоевать уважение?

Раздосадованная, Талия подавила вздох.

– Я уже говорила, что вовсе не желаю выходить замуж, тем более за джентльмена, который меня презирает и не считает нужным этого скрывать.

– Значит, вините в случившемся меня?

Талии вдруг стало стыдно: она вспомнила, что граф такая же жертва обстоятельств, как и она.

Пожалуй, ему даже тяжелее.

У этого человека самые благородные намерения, он хочет защитить свою семью и ради этого вынужден вступать в брак с женщиной, которая ему ненавистна.

– Нет, – выдохнула Талия. – Вы ни в чём не виноваты.

Услышав её ответ, граф слегка растерялся, но уже через секунду лицо его снова ожесточилось.

– Не забудете передать бумаги отцу?

– Сначала сама прочту условия своего заключения. – Талия поморщилась.

Граф нахмурился:

– Что-что?

– Должна же я знать, что от меня требуется, – пожала плечами Талия. – Иначе я ещё больше вас опозорю.

Серые глаза прищурились.

– Нет, дорогая, не опозорите.

– Думаете? – Талия печально улыбнулась. – Уверены?

– Конечно. Потому что я этого не позволю.

С этой угрозой граф Эшкомбский грациозно поклонился и вышел, а Талия осталась стоять одна в гостиной, сжимая в руках уже успевшие стать ненавистными бумаги.

Как Талия и боялась, лондонский особняк графа Эшкомбского оказался подавляюще элегантен.

Располагавшийся в самом сердце Гровнор-сквер, он был построен из светлого камня. Семь пролётов с кирпичными арками вели к нише, в которой скрывались дубовые двери. Огромные окна с широкими подоконниками выходили на улицу. Когда Талия высаживалась из кареты, у неё возникло неприятное ощущение, будто бы за ней наблюдают десятки невидимых глаз.

Смущение только усилилось, когда её провели по выложенному белой плиткой холлу к гигантской мраморной лестнице. Затем Талию проводили в заднюю часть дома, где размещалась выстроенная в готическом стиле часовня. Талии, конечно, доставало аристократического воспитания, однако она провела достаточно часов в библиотеке, чтобы теперь оценить великолепные шедевры, украшающие выложенные панелями стены длинной галереи и расписанный в итальянском стиле потолок гостиной, на котором были изображены сценки из греческой мифологии. И разумеется, Талия сразу поняла, какую огромную ценность представляет венецианская люстра, висящая у самого входа в часовню.

Всё это великолепие лишний раз напомнило, что графский титул – не просто знак привилегированного положения. Это великая честь, накладывающая серьёзную ответственность. От графа полностью зависят не только многочисленные слуги и крестьяне, трудящиеся на его землях, но и члены его семьи. Кроме того, графу ни в коем случае нельзя уронить честь имени в глазах общества.

Конечно, отец её обладал немалым богатством, однако Талия не привыкла к миру, где о человеке судят по чистоте происхождения и длине родословной. Даже окажись Талия более обаятельна и менее застенчива, она всё равно была бы недостойна почётного титула графини Эшкомбской.

Подобные мрачные мысли на кого угодно нагнали бы страху, но Талию снова охватило спасительное ощущение отстранённости – то самое, которое помогло ей пережить их последний унижительный разговор.

Иначе она ни за что не смогла бы пройти короткое расстояние, отделявшее её от графа Эшкомбского – тот уже ждал невесту возле резного деревянного алтаря.

На негнущихся ногах Талия прошагала по проходу мимо старинных скамей, мимоходом подняла глаза на сводчатый потолок, мельком взглянула на окно с изумительными витражами и только потом посмотрела на будущего мужа.

При виде золотистых волос, мерцающих в сиянии свечей серебряного канделябра, и гордого, удивительно совершенного профиля у Талии перехватило дыхание. Стройную фигуру облегал чёрный фрак, выгодно подчёркивающий широкие плечи, но в сочетании с чёрными бриджами наряд этот скорее был бы уместен на похоронах, нежели на свадьбе. А в серебристых глазах таилось нечто угрожающее, свирепое.

Сейчас он ещё больше, чем всегда, напоминал грозного античного бога, и Талия невольно содрогнулась.

Когда она встала рядом, Габриэл не стал брать её за руку. За время короткой церемонии жених ни разу не взглянул на свою наречённую. Даже когда они подписали свидетельство о браке и отпраздновали «торжественное событие» бокалом шерри в компании слегка озадаченного священника, неприступного вида дворецкого и некоей женщины – вероятно, графской экономки, предположила Талия.

Затем новоиспечённый муж повелительным кивком приказал ей покинуть часовню, сам же с явным нетерпением зашагал следом.

Талия смутно осознавала, что теперь её жизнь никогда уже не будет прежней. Теперь она не гусыня Добсон, болезненно застенчивая дочка простого торговца. С этого дня она графиня Эшкомбская.

Впрочем, повышение статуса не сделает её жизнь счастливее, печально признала Талия.

Сколько лет она мечтала избавиться от отцовского деспотизма! Даже когда стало ясно, что она не из тех, вокруг кого кавалеры роятся тучами, Талия всё равно мечтала встретить доброго порядочного джентльмена, который умчит её прочь от постылой жизни. Будет любить и уважать...

Но теперь радужным надеждам уже не сбыться.

От одного тирана Талия попала к другому.

Как будто нарочно, чтобы лишний раз продемонстрировать её низкое положение в этом доме, Габриэл окинул пренебрежительным взглядом скромный наряд Талии. Нежно-розовое платье с высокой талией и поясом-лентой, а из украшений только тонкая нитка жемчуга на шее.

– Миссис Мэннинг проводит вас в ваши покои, – холодно сообщил Габриэл, взмахом руки подзывая полную женщину с седыми волосами, собранными в узел на затылке. Её чёрное платье было столь же аккуратно и безупречно, как и всё в этом доме, двигалась она быстро и проворно. Талия угадала: действительно, свидетельницей была экономка. – Скажете ей, где предпочитаете ужинать, в собственной гостиной или в столовой.

– А вы что же, не будете ужинать? – Вопрос сорвался с губ прежде, чем Талия успела опомниться.

– У меня дела.

Поймав на себе взгляд экономки, Талия смущённо вспыхнула. Неужели обязательно позорить её прямо сейчас, когда на свидетельстве о браке ещё чернила не высохли?

– А ваша матушка?..

– Гостит у сестры в Кенте.

Ну конечно, подальше от невоспитанной невестки.

– П-понимаю.

Серебристо-серые глаза на секунду потемнели, но выражение их оставалось холодным и отчуждённым.

– Можете осмотреть дом и сад, только за ворота не выходите.

– Вы что же, намерены держать меня взаперти, как пленницу?

– Только до завтра. – Габриэл невесело улыбнулся. – Вещи можете не разбирать. Завтра на рассвете вы отбываете в Девоншир.

Не дождавшись ответа, Габриэл стремительно прошагал мимо неё и скрылся в длинном коридоре.

Несмотря на спасительную дымку отстранённости, Талия вдруг ощутила острую печаль.

Ей было не по себе в этом огромном, подавляющем величием особняке. Талия чувствовала себя самозванкой, которую вот-вот разоблачат и с позором вышвырнут за порог.

Впрочем, её муж как раз так и собирался поступить.

К счастью, от мрачных мыслей её отвлекла экономка. Взмахом пухлой руки миссис Мэннинг указала на ближайшую лестницу:

– Прошу, миледи.

Миледи. Талия горько усмехнулась.

Больше всего ей сейчас хотелось вернуться в библиотеку отцовского дома, скрыться в безопасном убежище, среди пыльных книг...

С грустной улыбкой Талия направилась к лестнице.

– Благодарю, миссис Мэннинг.

Экономка проводила её в нарядные покои. Голубые атласные обои сочетались по цвету с занавесками и обивкой мебели из розового дерева. Окна выходили на ухоженный сад, вдалеке виднелись конюшни. За дверью скрывалась такая же роскошная спальня.

– Это не самые большие покои в доме, – ласково произнесла миссис Мэннинг. – Но я подумала, вам понравится вид на сад.

– Очень красиво, – тихо произнесла Талия, залюбовавшаяся изысканными букетами роз на мраморной каминной полке. Обернувшись, она взяла экономку за руку. Талия сразу поняла, что её новый муж не имеет к этому тёплому жесту никакого отношения. – Обожаю свежие цветы. Большое спасибо.

Экономка смущённо кашлянула – миссис Мэннинг явно не ожидала таких эмоциональных изъятий благодарности.

– У вас же сегодня свадьба, цветы как раз к месту.

Талия приблизилась к окну и ничуть не удивилась, увидев, что мраморный грот в саду раза в два больше коттеджа её тётки в Йоркшире.

– Полагаю, вам известно, что наш брак не вполне обычен. Граф даже не пытается скрыть, что желает как можно скорее от меня избавиться.

– Вы ни в чём не виноваты, миледи, – вдруг ответила экономка. Неужели миссис Мэннинг сочувствует нелюбимой супруге графа? – Просто его светлость очень огорчил поступок мастера Гарри.

Талия была не так наивна, чтобы поверить доброй женщине, однако желание экономки ободрить её трогало до глубины души.

– У меня создалось впечатление, что граф Эшкомбский с самого начала был против этого брака. Должно быть, радовался, когда свадьба не состоялась. – Талия поморщилась. – До тех пор пока отец не заставил графа взять на себя обязательства мистера Ричардсона.

– Думаю, вы и сами вскоре поймёте, что у его светлости и мастера Гарри... – экономка запнулась, подбирая нужные слова, – непростые отношения.

Талия поклялась, что впредь будет относиться к мужу с тем же презрительным равнодушием, что и он к ней, однако теперь не смогла сдержать любопытства.

– Да, у меня сложилось как раз такое впечатление. – Талия повернулась к экономке, суетившейся около столика с серебряным чайником. – Впрочем, младшим сыном быть нелегко...

– Наоборот, слишком легко – для некоторых, – пробормотала миссис Мэннинг.

– Простите?

Экономка замерла в нерешительности. Разумно ли делиться с посторонним человеком семейными сплетнями? Но потом, видимо, решила, что Талия и сама скоро узнает все секреты, поэтому выпрямилась и встретила глазами с любопытным взглядом новоиспечённой графини Эшкомбской.

– Предыдущий граф умер десять лет, титул перешёл к его светлости, а вместе с титулом – ответственность за убитую горем мать и младшего брата.

Десять лет назад? Талия была поражена до глубины души. Нет, этого она не знала.

– Он, наверное, был совсем молодым?

– Только исполнилось восемнадцать. Почти мальчик.

– Боже!

– Но его светлость никогда не жаловался. – Миссис Мэннинг вздохнула. – Бросил учёбу и взял отцовские обязанности на себя, пока мать оставалась в трауре, а мастер Гарри попал в одну скверную историю за другой.

Талия невольно посочувствовала этому высокомерному, жестокому человеку:

– Неужели ему некому было помочь?

– Граф не из тех, кто сваливает ответственность на чужие плечи.

– Это я заметила, – сухо произнесла Талия.

Ещё до свадьбы она поняла, насколько Габриэл нелюдим.

Раньше Талии казалось, что привычка держаться в стороне некоторым образом роднит их. Но теперь Талия поняла, что граф просто не снисходит до общения с простыми смертными.

Совсем как её отец.

Миссис Мэннинг тяжело вздохнула:

– Жаль...

– О чём вы?

– Возможно, поручи его светлость часть обязанностей мастеру Гарри, тот не вырос бы таким...

– Безответственным?

– Совершенно верно. – Экономка неодобрительно поджала пухлые губы. – Его светлость пытался приструнить брата, но графиня-мать с детства всё ему позволяла. А если его светлость отказывался платить долги брата, мастер Гарри просто обращался к матери.

Талия нахмурила брови. Откровения экономки стали для неё неожиданностью. Конечно, теперь она член семьи, однако слуги редко бывают настолько откровенны, когда речь идёт о хозяевах.

Ведь любое неосторожное слово может привести к позорному увольнению.

И вдруг Талия поняла.

Миссис Мэннинг искренне предана Габриэлу. Ей, конечно, не по душе его обращение с Талией, однако экономка стремится всячески оправдать графа.

А может, миссис Мэннинг наивно надеется, что со временем отношения между Габриэлом и его супругой наладятся.

Талия судорожно вздохнула.

Напрасная надежда. Однако у неё не хватало духу заявить доброй женщине, что её обожаемый Габриэл – бессердечный мерзавец, выставляющий свою жену корыстной гарпией, силой женившей его на себе.

– Должно быть, поведение матери было неприятно графу, – наконец произнесла Талия.

– Не то слово. – Лицо экономки сделалось мрачным. – Вообще-то полгода назад он наконец решился...

– На что?

– Запретил графине помогать мастеру Гарри, чтобы тот отучился влезать в долги.

– Ах вот оно что. – Губы Талии изогнулись в невесёлой улыбке. – Вот почему мистер Ричардсон принял предложение моего отца.

С лёгкой запинкой экономка подтвердила:

– Да.

– Теперь понятно, почему граф Эшкомбский так разозлился. Хотел преподать брату урок, а в результате сам же и поплатился. – Талия прижала ладонь к груди. – Неудивительно, что граф меня ненавидит.

Миссис Мэннинг покачала головой:

– Просто сейчас он очень зол, но скоро успокоится, и тогда всё будет хорошо.

Талия с трудом сдержала истерический смех. Нет, теперь в её жизни ничего хорошего уже не будет.

– Мне бы вашу уверенность, – сухо произнесла она.

Почувствовав настроение Талии, экономка с обеспокоенным видом шагнула к ней.

– Да, характер у его светлости не сахар, – признала миссис Мэннинг. – Когда он только вступил в права наследования, многие нечистоплотные люди пытались воспользоваться его молодостью и неопытностью. Среди них оказались и некоторые друзья семьи. Графу пришлось учиться защищать себя и свою семью от людей, стремящихся извлечь выгоду из его наивности. Но вообще-то сердце у его светлости доброе. К тому же он безраздельно предан тем, за кого отвечает.

Трудно было удержаться от сочувствия к мальчику, вынужденному повзрослеть раньше сверстников. Но нельзя забывать, что граф Эшкомбский намерен окончательно уничтожить её. Этот человек – её враг, а значит, нельзя ни на секунду ослаблять оборону.

– Отвечает? – Талия ухватила за неуместное слово. – А как насчёт людей, которых граф любит?

Экономка состроила гримасу.

– Боюсь, граф вбил себе в голову, что любовь – признак слабости. – Выдержав многозначительную паузу, миссис Мэннинг посмотрела Талии в глаза. – Жду не дождусь, когда найдётся мудрая женщина, которая покажет ему, сколько счастья может принести союз двух сердец.

Глава 4

Никаких торжеств Габриэл на день свадьбы не запланировал. Пусть нежеланная невеста сразу поймёт, что ей в его доме не рады.

Судя по реакции новоявленной жёнушки, когда он объявил, что уходит, Габриэл своей цели добился.

Но, едва отъехав от дома, тут же развернул коня и быстро поскакал в сторону окраины, сердясь на самого себя за то, что перед глазами до сих пор стоят бледное лицо и грустный взгляд Талии.

Ну была она похожа на брошенного ребёнка, и что с того? Подумаешь, ничего с ней не случится. Ну, проведёт день свадьбы одна в незнакомом доме. А на что она рассчитывала? Сама хотела брак по расчёту, ради титула. Так что пусть не радуется, не будет у неё никакого брака.

Стараясь выкинуть из головы мысли о Талии и нелепой пародии на свадьбу, Габриэл скакал по узким аллеям и наконец очутился за городом. Остановился посмотреть на ярко раскрашенную тележку бродячих циркачей, на которой везли запертого в клетке медведя, поглядел на двоих здоровяков, дравшихся на деревенском лугу.

Но когда остановился в придорожном трактирчике, чтобы удовлетворить голод немудрёной трапезой, состоящей из тушёной оленины и свежего хлеба, невольно вернулся мыслями к брошенной невесте.

Осушив третью кружку эля, Габриэл отодвинул стул, подошёл к окну комнаты – разумеется, граф ужинал не в общем зале – и устремил взгляд во двор. Однако не замечал ни суетящихся конюхов, ни жавшихся к стене бродячих собак, привлечённых запахами из кухни. Перед ним так и стояло лицо с изумрудно-зелёными глазами и нежными розовыми губами.

Что за наваждение?

Габриэл нарочно притащился в этот богом забытый трактир, чтобы избавиться от мыслей об этой мошеннице. Не вспоминать затаённую боль в её глазах, не грезить о соблазнительных формах. И дня не пройдёт, как она окажется в Девоншире. Свадьбу можно будет позабыть, как страшный сон.

Допивая очередную кружку эля, Габриэл словно видел перед собой Талию – великолепное тело, скрывающееся под розовым шёлком, простая нитка жемчуга на белоснежной коже.

Что она сейчас делает – гордо восседает в столовой, в одиночестве празднует победу? Или прячется в предоставленных ей покоях, горько раскаиваясь в своём желании стать графиней Эшкомбской?

Обе картины представлялись Габриэлу одинаково неприятными.

Вместо этого он вообразил, как снимает с неё платье и исследует скрывающееся под тканью нежное тело.

Кстати, а почему бы и нет?

Раз возникнув, навязчивая мысль не желала исчезать.

В конце концов, сегодня у них должна состояться брачная ночь. Так положено.

Раз уж Габриэл не в состоянии выкинуть эту женщину из головы, почему он должен бежать из собственного дома и проводить «приятный» вечер в захудалом трактире? Вместо этого можно вольготно расположиться у собственного камина с бокалом бренди. А затем в полной мере насладиться прелестями жены.

Надо быть дураком, чтобы не воспользоваться единственным преимуществом навязанного против воли союза.

Кроме того, прошептал неизвестно откуда взявшийся вкрадчивый голос, без брачной ночи их союз по закону считается недействительным.

С неотёсанного Добсона что угодно станется – ещё потребует доказательств, что дочь и вправду лишилась невинности.

Глядя, как солнце медленно опускается за горизонт, Габриэл швырнул пустую кружку на стол и поспешил к двери.

Всё, хватит терзаться.

Талия скоро будет в Девоншире. А пока ничто не мешает ему удовлетворить неизвестно откуда возникшее желание.

Отказываясь признавать, что впервые со дня вступления в обязанности графа Эшкомбского он пренебрёг доводами рассудка ради глупой прихоти, Габриэл покинул трактир и стремительно поскакал обратно в Лондон.

Несмотря на спешку, в город он въехал уже в потёмках. Габриэл ругался себе под нос, пытаясь обогнуть элегантные кареты, перегораживавшие мощёные улицы, и празднично шатающиеся компании пьяных гуляк. Казалось, все обитатели Мейфэра нарочно сговорились не дать ему добраться до собственного дома.

Наконец Габриэл свернул в укромную аллею, ведущую к его личным конюшням, и, оставив коня на попечение конюха, зашёл в дом через чёрный ход и направился в свои покои.

Он старался ступать как можно тише, чтобы не услышали слуги. Габриэл не хотел, чтобы они узнали о его возвращении. Тогда с наступлением рассвета можно будет забыть об этом безумии.

Поднявшись к себе, Габриэл разделся – торопливо, без помощи камердинера – и завернулся в украшенный богатой вышивкой халат. Он был уже возбуждён. Затем, не отдавая отчёта, что такая скрытность скорее к лицу вору, чем хозяину дома, задул свечи и по тёмному коридору прокрался к покоям с голубыми стенами.

Бесшумно нажал на ручку двери, а когда та поддалась, улыбнулся в предвкушении.

Интересно, почему она не заперлась: не ждала ночного гостя... или, наоборот, ждала?

Есть только один способ это выяснить.

Шагнув через порог, Габриэл прикрыл за собой дверь и, прижавшись к деревянным панелям, повернул ключ в замке. Затем окинул взглядом элегантную мебель розового дерева, а когда заметил, как с кушетки у окна поднимается стройная фигура, сердце бешено заколотилось.

Разглядев её как следует, Габриэл не знал, то ли смеяться, то ли ужасаться.

Талия уже успела снять свадебное платье и облачилась в нечто совершенно чудовищное, отдалённо напоминающее ночную рубашку. Габриэл привык проводить время с женщинами, прекрасно знающими, что нравится мужчинам, и ни в одном будуаре подобного не видел – многие ярды белого льна укутывали тело Талии начиная от подбородка и спускались до самого пола. Больше всего одеяние напоминало саван. Довершали сногшибательное впечатление многочисленные бантики и оборочки, а от ворота до подола выстроилась в ряд по меньшей мере сотня пуговиц.

Габриэл не мог понять, как вообще можно спать в таком нелепом, неудобном облачении.

Однако жуткий наряд отнюдь не умерил желания Габриэла. Наоборот, ему захотелось поскорее сорвать с неё эту хламиду и увидеть скрывающееся под ней пышное тело.

А можно не торопиться и раздеть её постепенно – совсем как именинник, открывающий долгожданный подарок.

Потом можно уложить её на кровать и исследовать каждый дюйм атласной кожи. Сначала пальцами, потом губами. И только когда она начнёт умолять, он войдёт в неё и удовлетворит наконец пламенную жажду.

Будто почувствовав, какое направление приняли мысли Габриэла, Талия прижала к горлу дрожащую ладонь. Тёмные кудри рассыпались по плечам, изумрудные глаза расширились от испуга.

Габриэлу вдруг стало неловко.

Чёрт возьми, до чего же она невинна.

– Милорд, – прошептала Талия.

Злясь на самого себя за неуместные сантименты, Габриэл подумал, что, в конце концов, эта женщина готова на всё ради высокого титула. Он свою часть сделки выполнил, теперь её черёд.

С иронической улыбкой Габриэл отошёл от двери и медленно направился к ней:

– Ах, моя целомудренная невеста.

Талия облизнула губы.

– Что вы здесь делаете?

– Странный вопрос. – Габриэл обогнул её неподвижную фигуру и отошёл, чтобы снова приблизиться. В нём неожиданно пробудился инстинкт охотника. – Сегодня же первая брачная ночь.

– Да, но... – Талия вздрогнула, когда пальцы Габриэла коснулись её щеки. – Я не ожидала...

– Так я и думал.

Габриэл остановился напротив неё и потянул за одну из многочисленных ленточек на жуткой ночной рубашке.

– Или вы нарочно оделись таким образом? Чтобы я бежал от вас в страхе?

– Чем вам не угодил моя рубашка? – хрипло выдавила Талия. Габриэл ощутил на коже её тёплое дыхание. – Это приличная вещь.

Развязав последнюю ленточку, Габриэл обратил взгляд на нескончаемую череду пуговиц.

– Что ж, по крайней мере одно я теперь знаю наверняка.

Судя по прерывистому дыханию, Талия заметила, что Габриэл раздевает её, однако, к её чести, держалась спокойно и с достоинством, несмотря на страх. Габриэл невольно почувствовал к ней уважение.

– Что вы знаете?

Габриэл коснулся груди Талии, и сердце её замерло.

– Гадал, девственница вы или нет, – ответил Габриэл неожиданно сдавленным голосом. – Ни одна опытная женщина не облачилась бы в этот погребальный саван, скрывающий все прелести.

Глаза Талии вспыхнули.

– Если вы пришли оскорблять меня...

– Вы уже сами догадались, зачем я пришёл.

Мимолётная вспышка гнева тут же утихла. Талия затрепетала, на шее забились тоненькая жилка.

– Вы же не хотите, чтобы я была вашей женой, – еле выговорила она.

Габриэл подавил резкий смешок. Неужели она настолько наивна, что считает, будто плотские утехы имеют какое-то отношение к супружеской любви?

Он ощутил мощный прилив вожделения, и, сжав в руках ткань ночной рубашки, резким движением разорвал её. Талия испуганно ахнула. Оставшиеся пуговицы дождём рассыпались по полу.

– Однако теперь вы моя жена, графиня Эшкомбская, – хрипло выдавил обезумевший от желания Габриэл, обнажая наконец её белоснежную статную фигуру.

Чёрт возьми, она ещё красивее, чем он думал!

Стянув с неё отвратительную рубашку, Габриэл провёл руками по её узким плечам, дотронулся до тонких ключиц. Кровь закипела при виде полных грудей с сосками цвета спелых ягод, которые так и тянуло попробовать на вкус. Медленно опустив глаза, Габриэл увидел

узкую талию и пышные женственные бёдра. А завидев тёмный кустик волос между её ног, Габриэл понял, что больше сдерживаться не в состоянии.

С утробным рычанием подхватил её на руки и понёс в тёмную спальню.

– Милорд, – выдохнула она. В глазах читалось нечто среднее между страхом и приятным волнением, которое она не в силах была скрыть. – Зачем вы это делаете?

Габриэл был рад, что и она в какой-то мере разделяет его настроение. Опустив голову, он страстно впился в её губы.

– Не могу удержаться, – пробормотал он между поцелуями.

По телу Талии пробежала дрожь, руки судорожно стиснули отвороты его халата.

– Милорд, вы пили?

– Немного, для храбрости.

Талия сдавленно охнула, словно Габриэл ударил её.

– Если я так отвратительна, что в трезвом виде ко мне не подступишься, зачем вам это нужно?

Отвратительна? Да она очаровательна!

Габриэл опустил Талию на кровать. При виде её тела на атласном покрывале у него перехватило дыхание. В серебристом лунном свете она казалась каким-то волшебным, сказочным существом. Прекрасной лесной нимфой, случайно очутившейся в Лондоне. Нужно спешить, пока она не исчезла в облачке дыма.

Габриэл снова издал утробное рычание, изнывая от плотского голода.

Разумеется, он не собирался показывать этой женщине, какие чувства она в нём пробуждает. Иначе она получит над ним власть. При одной мысли Габриэл плотно сжал челюсти.

– Затем, что иначе наш распроклятый союз могут объявить недействительным, – мрачно произнёс он. – Что мне делать, если в дом зайвится Сайлас Добсон и потребует доказательств, что я и вправду лишил вас девственности?

Талия растерянно нахмурилась:

– Доказательств? Каких доказательств?

И вдруг она залилась краской, поняв, что граф говорит о древней традиции проверять простыни после первой брачной ночи.

– Ах...

Этого проявления трогательной, детской невинности было достаточно, чтобы Габриэл окончательно попал под её чары. Тихонько чертыхнувшись, скинул халат и присоединился к Талии, обхватив рукой её трепещущее тело.

– Целомудренный румянец, – прошептал Габриэл, глядя пальцами её щеку. – Прелестно.

Тёмные кудри разметались по голубому покрывалу подобно мягкому шёлку, в лунном свете глаза мерцали, будто настоящие изумруды.

– Уверю, церковной церемонии отцу вполне достаточно, – задыхаясь, проговорила Талия. Руки её упёрлись Габриэлу в грудь. – Он не станет требовать никаких доказательств.

Габриэл прижался лицом к её шее, вдыхая сладостный аромат. От неё пахло мылом, крахмалом и чистотой – во всех смыслах. Удивительно влекущая комбинация.

– Думаете, поверю вам на слово? – ответил Габриэл. – Я не такой дурак, чтобы доверять Добсонам.

– Я больше не Добсон.

Габриэл вздрогнул. При обычных обстоятельствах слова Талии рассердили бы его, но сейчас он почувствовал странное... удовлетворение.

Стараясь подавить это ощущение, Габриэл пристально поглядел на неё. Коснулся пальцами дрожащих губ.

– Чтобы стать истинной графиней, недостаточно росписи на листе бумаги.

Талия судорожно вздохнула:

– Милорд...

– Габриэл.

Она удивлённо моргнула:

– Что, простите?

– Называйте меня Габриэл, а не милорд, – приказал он, сам не понимая, почему хочет, чтобы эта женщина обращалась к нему по имени.

– Габриэл, – продолжила она, глядя на него широко распахнутыми глазами. – Не уверена, что нам с вами стоит это делать.

Со стоном Габриэл опустил голову и провёл губами по широкому лбу, затем спустился до кончика изящного носа.

– Я тоже, но с каждой минутой удержаться от соблазна всё труднее.

Талия вздрогнула:

– Боже мой.

– Талия, – прижав к её губам большой палец, Габриэл заставил её приоткрыть рот. – Необычное имя. Кто его выбирал? Вряд ли ваш отец.

Ногти Талии вонзились в его голую грудь, однако сопротивляться она и не думала. Габриэл ощущал биение её сердца, чувствовал её возбуждение.

Конечно, Талия неопытна, однако тело её само следует заложенным природой инстинктам. Она уже готова.

– Мама назвала меня в честь своей матери, – ответила Талия рассеянным тоном.

Губы Габриэла коснулись её щеки, затем прильнули к уголку рта.

– Она что же, цыганкой была?

Талия напряглась:

– Для вас это имеет значение?

– Сейчас – ни малейшего.

Габриэл провёл ладонями по её лебединой шее, затем со стоном сжал в руке полную, увенчанную алой вишенкой соска грудь. Проклятье! Стоит коснуться этой женщины, и он уже готов забыть обо всём на свете.

– Какая у вас фигура – изящная и вместе с тем пышная. Вылитая дрезденская статуэтка.

– Я... – Габриэл стал перекачивать между пальцами её сосок, и Талия умолкла.

– Что? – поторопил Габриэл, целуя её шею.

– Я не знаю, что нужно делать, – наконец призналась Талия.

Габриэл чуть не выругался вслух. Хороший же отец этот Сайлас Добсон – не мог найти какую-нибудь опытную женщину, чтобы перед свадьбой объяснила дочке, что к чему. Чурбан неотёсанный.

– Я всё сделаю сам, – пробормотал Габриэл, сжимая её бедро. – Уж поверьте, я в этом деле знаю толк.

Талия хотела что-то ответить, но Габриэлу было не до разговоров.

Да и как он мог успокоить робкую неопытную девушку? Только продемонстрировав, что от вынужденного брака можно получить и удовольствие.

Не обращая внимания на насмешливый голос, нашёптывающий, что его намерения обусловлены вовсе не желанием успокоить супругу, а нарастающим вожделением, Габриэл страстно поцеловал Талию в губы.

На секунду Талия застыла. Кажется, грубый пыл мужа застал её врасплох. Ничего удивительного, упрекнул себя Габриэл. Разве ему неизвестно, что Талия – всего лишь застенчивая невинная девушка, нуждающаяся в ободрении? А он чуть не накинулся на неё, будто на дешёвую шлюху.

Да, Габриэла заставили вступить в брак насильно, а теперь он заставит Талию умолять, чтобы он утолил её страстную жажду.

Прикосновения Габриэла стали мягче, рука гладила обнажённое бедро, губы прильнули к её приоткрывшимся губам. Бормоча ласковые слова, Габриэл проник языком в её рот.

Талия снова застыла. Габриэл едва мог скрыть досаду. Неужели её пугают даже поцелуи?

Вдруг, в тот момент, когда он уже решил, что из этой затеи ничего не выйдет, Талия издала тихий томный вздох и обвила руками его шею.

Габриэла охватило окрыляющее чувство победы. Она сдалась!

Нет, он не ошибся. Талия действительно испытывает к нему вожделение.

Продолжая медленно гладить её бедро, Габриэл прикусил полную нижнюю губу Талии, прежде чем осыпать поцелуями её шею и грудь. Тёплый вкус её кожи напоминал о знойных летних днях, которые он проводил в блаженном ничегонеделании в доме своего детства в Девоншире.

До того, как его беззаботное существование омрачил тяжёлый долг.

Пальцы Талии запутались в его волосах, тело выгнулось в безмолвной мольбе.

Габриэл уже предвкушал, как погрузится в её сладостные глубины. Несмотря на неопытность, Талия была неотразимо притягательна, словно сирена.

И в эту ночь она безраздельно принадлежала ему.

Склонив голову, Габриэл сжал губами её твёрдый сосок и с удовлетворением услышал тихий вздох, показавшийся ему прекраснейшей музыкой.

– Милорд, – выдохнула она. – Габриэл.

– Тише, – прошептал он, осторожно просунув руку между её бёдер. – Доверьтесь мне.

Она задрожала, нетерпеливо проведя руками по его спине.

– Не знаю, можно ли вам доверя... – Палец Габриэла проник в её влажное лоно. – О-о...

Габриэл тихонько рассмеялся и начал ласкать языком её твёрдый сосок.

– Запомните первое правило брака: жена должна полностью полагаться на мужа.

Она пробормотала что-то неразборчивое в ответ – видно, хотела возразить, – однако вместо этого вскрикнула от удовольствия. Габриэл отстранился, любуясь её раздумавшимся лицом, густыми ресницами и приоткрытыми губами. Палец его продолжал медленно двигаться внутри её.

Никогда раньше Габриэлу не приходилось видеть такой красивой женщины.

Что за глупости, возмущался разум.

Он проводил время в обществе самых искусных куртизанок во всей Англии. За право удостоиться внимания его последней любовницы, звезды сцены, мужчины буквально дрались.

Что же такого особенного в этой застенчивой скромнице?

Решив не задумываться на данную опасную тему, Габриэл вновь начал жадно целовать её губы. Он торжествовал, чувствуя, как она отвечает на его поцелуи и вонзает ногти в его спину, жаждая утолить всё возрастающее желание.

Габриэл сделал всё, что мог, чтобы успокоить девичьи страхи. Больше он ждать не мог. Не в состоянии был вынести даже лишнюю секунду промедления.

Одним быстрым движением Габриэл с облегчённым вздохом переместился наверх. Талия ахнула, но, нащупав крошечный бугорок, одно прикосновение к которому приносило ей неземное блаженство, Габриэл продолжал ласкать её, затем медленно проник в её лоно.

Из груди вырвался хриплый стон. Пышущий жар и приятная упругость.

Идеальное сочетание.

Целуя её губы, Габриэл в напряжении ждал, пока Талия освоится с непривычным ощущением. Только почувствовав, что она расслабилась и снова начала нетерпеливо водить руками по его спине, Габриэл задвигался внутри её.

Проведя губами по её щеке, Габриэл прикусил мочку уха Талии, наслаждаясь свежим, чистым вкусом. Только сейчас Габриэл понял, что, оказывается, терпеть не может, когда жен-

пины обливаются духами с головы до ног. Такое чувство, словно лежишь на слишком пахучей цветочной клумбе. Естественность Талии только усилила его возбуждение.

Одержимый страстью, Габриэл всё же старался вслушиваться в её тихие стоны и прерывистое дыхание. Он хотел, чтобы Талия тоже получила удовольствие.

Прижавшись лицом к её шее, Габриэл двигался медленно, не спеша, чуть приподняв руками её бедра. Талия вонзила ногти ему в спину и выгнулась ему навстречу, приближаясь к пику.

– Габриэл, – простонала Талия. – Нельзя...

– Можно, – хрипло выдавил он. – Сейчас...

Целуя её шею и ключицы, Габриэл опустил голову и взял в рот её сосок, при этом убыстряя темп. Талия обхватила ногами его поясницу.

Габриэл слышал, как она вскрикнула от неожиданного удовольствия, и последовавшие за этим пульсации заставили и его самого приблизиться к моменту наивысшего наслаждения. Сжав зубы, он иступлённо двигался до тех пор, пока не наступила головокружительная развязка.

Не замечая ничего вокруг, Габриэл полностью отдался невероятным ощущениям. Затем с невнятным полустоном-полурыванием обнял трепещущее тело Талии и перекатился на бок, прижав её к груди.

В комнате повисла тишина, нарушаемая только их тяжёлым дыханием. Но постепенно оба приходили в себя.

Пора уходить, подумал Габриэл.

Он лишил свою жену невинности, брак можно считать заключённым во всех смыслах, непонятно откуда взявшееся навязчивое желание удовлетворено. Больше его здесь ничто не удерживает.

Но почему-то у Габриэла не было ни малейшего желание покинуть комнату Талии.

Неприятная правда заключалась в том, что он не насытился.

Несмотря на редкой силы кульминацию, Габриэл чувствовал, что уже готов продолжать, а когда Талия зашевелилась, пытаясь высвободиться из его объятий, он инстинктивно прижал её к себе и прорычал:

– Не надо.

– Милорд... Габриэл...

Она посмотрела на него. В глазах читалась потрясённая растерянность – кажется, Талия так и не осознала до конца, что между ними произошло.

– Мы должны обсудить...

– Никаких обсуждений, – перебил Габриэл.

Меньше всего ему хотелось обсуждать эту шутку судьбы – женщина, которую он не желал брать в жёны, заставила его потерять контроль над собой, над совершенствованием которого он неустанно работал последние десять лет. Наконец он решил поддаться сладостному соблазну, провести здесь хоть всю ночь, а наутро забыть об этом сумасбродстве, будто ничего и не было.

– Сейчас меня интересует только одно – это... – Габриэл запустил пальцы в её гладкие, как атлас, волосы и приник к её губам. – И это...

Его поцелуи начали спускаться ниже. Талия застонала и закрыла глаза, пока он с помощью зубов и языка будил в неопытном теле неведомую раньше страсть.

– И это...

Тут губы Габриэла сомкнулись на соске Талии, и он уже был не в состоянии мыслить ясно.

Глава 5

Поместье Кэррик-Парк, Девоншир

Покидая Лондон, чтобы отправиться в далёкое поместье Габриэла, Талия не знала, чего ожидать.

Вернее, она почти не задумывалась о цели своего путешествия, даже когда на заре карета отъехала от дома и покатила по мостовой. Да и неудивительно – все мысли Талии занимал Габриэл и ночь, проведённая в его объятиях.

Всё произошло так... внезапно.

С момента, когда Габриэл с видом одержимого ворвался в её покои, и до того предрасветного часа, когда он удалился, не проронив ни слова, Талия так и не успела опомниться.

После короткой церемонии Габриэл был с ней холоден и резок. Естественно, Талия и вообразить не могла, что он пожелает разделить с ней брачное ложе. И уж тем более не в состоянии была предвидеть, что способна испытывать такую страсть и такое наслаждение.

И всё же зачем он приходил?

Неужели правда боялся, что отец не успокоится, пока не увидит свидетельства полноценности их брака? Что за нелепость, сейчас же не Средние века. К тому же Габриэл вовсе не производил впечатления человека, отбывающего вынужденную повинность.

Даже сейчас, спустя месяц после переезда в новый дом, Талия до сих пор проводила немало бессонных часов, воскрешая в памяти каждый горячий поцелуй, каждое искусное прикосновение.

Впрочем, разве имеет значение, что именно руководило Габриэлом, в сотый раз сказала себе Талия и, покачив головой, зашагала по узкой тропинке, ведущей от коттеджа с черепичной крышей к усадьбе.

Несмотря на многочасовые ласки, Габриэл покинул спальню с нескрываемой поспешностью и даже не соизволил выйти из дому, когда она усаживалась в карету.

Увы, всё было понятно без слов.

Для него она так и осталась неловкой, невоспитанной, нежеланной супругой, единственный способ избавиться от которой – сослать в глушь.

Казалось, одного этого было достаточно, чтобы окончательно сокрушить её хрупкий дух, однако, прибыв в Девоншир, Талия пришла к выводу, что если её и ждёт ссылка, то весьма приятная.

Едва её нога ступила на землю усадьбы Кэррик-Парк, на сердце сразу стало легче, а страх перед будущим непостижимым образом испарился.

Возможно, такой эффект на Талию оказал вид большого дома.

Раньше в этом доме из светло-коричневого камня, построенном рядом с известняковой скалой, с вершины которой открывался вид на Ла-Манш, располагался монастырь. Более поздние пристройки чудесным образом гармонировали с рядами елизаветинских окон и покатыми крышами. Стены увивали заросли плюща, смягчавшие их резкие очертания. Казалось, дом – естественная часть нетронутого природного ландшафта, окружавшего усадьбу. Точно такой же плющ скрывал стены заброшенной конюшни и хозяйственных построек за пределами сада.

Талии случалось видеть более обширные и более ухоженные загородные резиденции, однако дикая красота этих мест пришлась ей по сердцу.

Здесь она чувствовала себя... дома.

В отличие от кричаще безвкусного отцовского особняка на Слоан-сквер. Или элегантного, но неуютного дома Габриэла.

Вдруг Талия осознала, что здесь ей не нужно бояться ни вечных придирок отца, ни досады и злобы мужа. Наконец-то она может вздохнуть свободно. В первый раз в жизни она будет сама решать, как ей жить. Эта мысль придала Талии сил и незнакомой доселе уверенности.

За прошедший месяц она постепенно завоевала доверие настороженных слуг и крестьян, которые поначалу поглядывали на новоявленную графиню Эшкомбскую косо, с подозрением.

Этих людей не волновало, что Талия – дочь Сайласа Добсона и что её родословная не восходит корнями к Адаму и Еве. Они судили о Талии по её поступкам, по тому, как искренне она интересовалась их жизнью и делала всё, чтобы помочь, когда в этом возникала необходимость.

Проходя мимо маленькой церквушки из красного кирпича с покатою крышей и опоясывающей фасад верандой, Талия остановилась, заметив худощавого темноволосого джентльмена. Он как раз перешагивал через высокую изгородь, отделявшую церковь от дома священника.

Талия невольно улыбнулась. Викарий Джек Джерард не походил ни на одного служителя церкви из всех, кого ей доводилось встречать.

Во-первых, он был очень молод, всего на пару лет старше самой Талии, а во-вторых, удивительно красив, благодаря чему во время воскресной службы в церкви яблоку негде было упасть. Какая женщина может остаться равнодушной перед безупречно мужественными чертами лица и бархатными карими глазами, в глубине которых таилось совершенно не священническое озорство? И хотя Джек Джерард всегда одевался подобающим образом, в простую чёрную сутану и бриджи, а на шею повязывал скромный галстук, он обладал непревзойдённым природным изяществом и чувством стиля, благодаря которому даже самые роскошно одетые аристократы казались рядом с ним разряженными павлинами.

Хотя, конечно, с Габриэлом никакого сравнения, шепнул предательский голосок. Несмотря на все недостатки, её красавец муж обладал величавым обаянием, благодаря которому не заметить его было попросту невозможно.

Однако Талия постаралась выкинуть из головы неуместные мысли.

Габриэл явно хочет забыть о её существовании. Значит, и ей следует поступить так же – ради своего же блага.

Мрачно вздохнув, Талия попыталась избавиться от неприятных мыслей и обратила всё своё внимание на приближающегося священника. Именно это позволило ей заметить, как изменилось лицо Джека Джерарда, когда он её увидел.

В глазах его отразился... испуг.

Другого слова было не подобрать.

Однако это странное выражение лица тут же сменилось широкой приветливой улыбкой. Талия решила, что ей показалось – вероятно, виной всему игра света и тени в предзакатный час.

Будто в подтверждение викарий любезно взял её руку и поднёс к губам. Правда, поцелуй длился чуть дольше, чем требовали приличия.

– Добрый вечер, миледи, – произнёс Джек Джерард. В низком голосе звучал едва уловимый акцент.

Ходили слухи, что его родители бежали от французской революции и обосновались в Англии. Впрочем, Талия на собственном горьком опыте знала, что сплетни редко бывают правдивы. Кроме того, прошлое викария Талию особо не волновало.

С первой встречи Джек Джерард оказывал ей очень милые знаки внимания, которые Талия только поощряла, пытаясь таким образом залечить душевную рану, нанесённую пренебрежительным отношением Габриэла. Не говоря уже о нелюбезном приёме, оказанном высокородными соседями. До сих пор Талию не пригласили ни на один из приёмов для избранных.

Поэтому к викарию она относилась как к хорошему другу.

– Добрый вечер.

Подняв голову, Джек Джерард медленно окинул взглядом её яблочно-зелёное платье для прогулок, глубокий вырез которого обрамляли серебристые кружева. Поясом служила такая же серебристая лента. Чепец жизнерадостного оттенка жёлтого совпадал по цвету с полусапожками, выглядывавшими из-под платья.

До приезда в Девоншир Талия ни за что бы не осмелилась одеться в такие яркие цвета и уж тем более не решилась бы выставить напоказ полную грудь.

Но вскоре уступила ненавязчивым уговорам викария и наведлась к местной модистке, заказав для себя совершенно новый гардероб. Даже причёску Талия изменила на более неприхотливую – теперь лицо её обрамляли будто бы случайно выбившиеся блестящие пряди.

Видя в глазах викария искреннее восхищение, Талия поняла, что долгие утомительные часы снятия мерок и бесконечных подгонок того стоили.

– Должен заметить, сегодня вы особенно очаровательны, – произнёс Джек Джерард, не выпуская её руки. – Вам очень идёт это платье.

Под его пристальным взглядом Талия кокетливо засмушалась:

– Ну что вы...

– Даже не сомневайтесь. Этот оттенок изумительно подчёркивает цвет ваших глаз. – Викарий озорно улыбнулся. – Как вы считаете, позволительно мне впасть в грех гордыни и приписать часть заслуги себе?

Талия рассмеялась:

– Заслуга целиком ваша, сэр...

– Прошу вас, зовите меня просто Джек, – перебил викарий, крепче сжав её руку. – Ведь мы с вами друзья, не правда ли?

Талия нерешительно примолкла. Муж будет недоволен, если узнает, что новоиспечённая супруга на короткой ноге с посторонним мужчиной. Однако тут же вскинула голову с неосознанным вызовом.

Габриэл сам изгнал её из своего дома, а значит, не имеет ни малейшего права ею распоряжаться.

– Джек, – тихо произнесла Талия.

Тёмные глаза вспыхнули от удовольствия.

– Ну вот, другое дело. Так о чём вы говорили?

– Хотела признаться, что, увы, вряд ли когда-нибудь овладею умением наряжаться. Поэтому очень благодарна вам за добрые советы.

– Пустяки, – пожал плечами Джек. – Вы обладаете другими талантами, гораздо более важными.

– Вы очень любезны.

– Нет-нет, я говорю от чистого сердца, – заверил он. – Вы поистине стали украшением нашего прихода.

– Джек...

– Не далее как сегодня утром миссис Джордан превозносила вас до небес за то, что пригласили к ней хорошего врача. – Талия смутилась и хотела остановить его, но Джек не дал ей такой возможности. – А мистер Стоун называет вас ангелом во плоти, ведь вы не дали его семье умереть с голоду. А про ваши планы открыть новую школу говорит вся округа.

Застенчиво рассмеявшись, Талия прижала ладони к пылающим щекам. Всю жизнь она слышала только упреки и привыкла, что вызывает лишь досаду у людей, которые должны любить её такой, какая есть.

И теперь неприкрытое восхищение приводило Талию в замешательство.

– Ну же, полно вам...

Джек шагнул ближе и, отпустив её руку, взял Талию за подбородок.

– Просто хочу, чтобы вы знали: слуги и крестьяне на ваших землях считают, что вы – лучшая хозяйка из всех.

От этих слов на сердце у Талии потеплело. Благодаря осознанию, что она способна улучшить жизнь людей, которые от неё зависят, Талия чувствовала себя нужной. Более того, вся её нерешительность вдруг куда-то исчезла.

– Приятно сознавать, что хоть кто-то не считает меня самозванкой.

Джек грозно нахмурился:

– Самозванкой? Как вы можете так о себе говорить?

– Увы, так обо мне говорят другие. Вам и самому отлично известно, что я до сих пор не удостоилась ни одного приглашения от благородных соседей. Кажется, моё присутствие им не по душе.

Джек пристально взгляделся в её побледневшее лицо.

– Вас это огорчает?

Талия состроила гримасу.

– Больше всего меня тревожит, что я позорю семью мужа.

Внезапно Джек крепко стиснул её плечи, тёмные глаза вспыхнули опасным огнём.

– Не смейте! – прорычал он.

– Викарий... Джек...

– Простите, не могу спокойно слушать такие глупости! – рявкнул Джек без малейшего раскаяния в голосе.

Талия удивлённо смотрела на него – её несколько ошеломил яростный пыл Джека.

– Что же тут глупого? Титул графини Эшкомбской накладывает определённую ответственность.

– Разве ваша ответственность состоит не в том, чтобы заботиться о нуждающихся? На этом поприще вы проявили себя весьма достойно. Неужели правильнее тратить время и силы, пытаясь понравиться людям, которые мизинца вашего не стоят?

Талия насторожилась. Кажется, у обаятельного, галантного Джека Джерарда есть и другая, тёмная сторона. Однако она тут же отмахнулась от своих тревог, сочтя их пустой блажью.

Что за наваждение? Джек – очаровательный, во всех отношениях приятный джентльмен и к тому же её друг.

– Думаю, мой муж с вами не согласился бы, – ответила Талия, продолжая разговор после затянувшейся паузы.

– В таком случае он попросту глупец.

– Джек... – с лёгкой укоризной произнесла она.

– Миледи... Талия... – Джек замолчал, будто подыскивая подходящие слова. – Я здесь служу совсем недавно, однако уже успел завоевать доверие прихожан, и они доверяют мне самое сокровенное.

Талия рассмеялась. Что правда, то правда – от желающих исповедаться дам и барышень отбоя не было. Ещё бы – кому не хочется побыть наедине с красавцем викарием!

– Да, вы обладаете редкой способностью завоевывать доверие, особенно когда речь идёт о прекрасном поле, – поддразнила она.

Джек даже не улыбнулся.

– Уж поверьте, о графине-матери я ни единого доброго слова не слышал.

От такой прямоты у Талии перехватило дыхание. Здравый смысл требовал деликатно перевести разговор на другую тему. Неприлично сплетничать о свекрови с викарием. Однако любопытство перевесило – Талия сгорала от желания больше узнать о женщине, которая так и не соизволила принять её в семью.

– Отчего же?

– Среди аристократок подобных женщин великое множество. – В тоне Джека сквозило откровенное презрение. – Единственное, что волнует графиню, – собственные удовольствия и позиция в свете. За этот месяц вы уделите крестьянам больше времени, чем она за все тридцать лет. Даже не потрудились узнать их имена. Хоть бы раз поинтересовалась, не нужно ли им чего. – Джек поморщился. – По-моему, она вообще воспринимает их как не слишком приятное дополнение к пейзажу.

Талии было горько это слышать. Она встречала графиню Эшкомбскую в Лондоне и считала её неприятной, чересчур самодовольной особой. А теперь выходило, что этой женщине глубоко безразлична судьба незащищённых бедняков.

– Не может быть, чтобы графиня пренебрегала своим долгом по отношению к людям, которые от неё зависят.

– Уверены? – Джек указал на видневшуюся вдалеке, за полями, усадьбу Кэррик-Парк. Вид был величественный, особенно сейчас, на закате, – лучи заходящего солнца окрасили оконные стёкла в розово-фиолетовые тона, а струи мраморных фонтанов искрились, будто каскады драгоценных камней. – Этой зимой графиня приказала выселить старика Лукаса из дома, в котором его семья жила двести лет. Коттедж, видите ли, портил вид – загораживал церковь.

– Должно быть, она просто не подумала...

– Несчастный умолял на коленях, однако графиня приказала вышвырнуть его из дома, будто мусор. Коттедж снесли, старика отправили к дочери. – Джек пристально смотрел на ошеломлённую Талию. – Не прошло и двух недель, как он умер.

– Неужели графиня настолько жестока?

– Нет, это не жестокость. Скорее равнодушие, – задумчиво произнёс Джек. – Аристократы, подобные графине, просто не считают всех остальных за людей.

Талия отодвинулась от Джека – тот так и не убрал руки с её плеч – и облизнула пересохшие губы. Потрясённая рассказом, она и не заметила, с какой жадностью тёмные глаза викария следили за её языком.

– А что говорят про...

Талии до сих пор было трудно называть этого человека, который лишил её невинности, а затем отослал подальше, мужем.

– ...графа? Слуги и крестьяне отзываются о нём с большим уважением.

– Можно подумать, у них есть выбор, – сухо произнёс Джек.

У Талии упало сердце. Почему-то ей не хотелось, чтобы Габриэл оказался одним из ничьёмных прожигателей жизни, пользующихся плодами труда своих крестьян и не интересующихся, в каких условиях те живут. Талии неприятно было разочаровываться в нём.

– О чём это вы?

Джек на секунду запнулся, затем тяжело, порывисто вздохнул:

– Простите, Талия. Я к нему не вполне справедлив.

Талия растерянно заморгала.

– В каком смысле?

– Слышал, ваш муж – рачительный хозяин. Следит, чтобы в хозяйстве всё было по последнему слову...

– Но... – поторопила Талия. Нет, Джек определённо чего-то недоговаривал.

– Простите?

– О чём вы не хотите мне рассказывать?

Джек поднял руки, будто сдаваясь.

– Графа в округе побаиваются. Люди избегают лишний раз к нему обращаться. Вот почему многие страдают молча.

Талия немного приободрилась. Выходит, никаких страшных преступлений Габриэл не совершил – он просто отпугивает всех своей холодностью. Хотя, если бы постарался, смог бы

без труда завоевать их доверие. Правда, сама она ни за что бы не осмелилась высказать графу это соображение. От одной мысли по спине пробежал холодок.

Судя по плохо скрываемой усмешке, Джек был того же мнения.

– Вы, кажется, невысокого мнения о моём муже? – спросила Талия. Интересно, они с Джеком знакомы?

– Не люблю аристократов, которые злоупотребляют доставшимися по рождению правами, однако предпочитают забыть про обязанности перед близкими.

Пыл Джека насторожил Талию.

– Вы, часом, не революционер-якобинец?

Джек, как ни в чём не бывало, тут же расплылся в лучезарной улыбке.

– Что вы, я всего лишь скромный викарий, заботящийся о своей пастве.

– Хм. – Талия задумчиво склонила голову набок. – А вот у меня создалось впечатление, что вы не так просты, как кажется.

Не успела Талия опомниться, как Джек слегка потянул за свободную прядь, свисавшую возле её щеки.

– Признаюсь, с тех пор, как вы прибыли в Кэррик-Парк, моё мнение о графе изменилось в лучшую сторону, – произнёс Джек. Тёмные глаза взирали на неё с искренним восхищением. – Ни за что бы не подумал, что ему хватит ума взять в жёны достойную женщину, а не какую-нибудь банальную дебютантку.

От прикосновения его пальцев к щеке Талия вспыхнула.

– На самом деле граф женился на мне против воли, – дрожащим голосом проговорила она.

Большой палец Джека задел её нижнюю губу.

– Думаете?

– Ну конечно.

Вопрос удивил Талию. Разумеется, необходимость связать себя узами брака с дочерью Сайласа Добсона могла вызвать у Габриэла лишь отвращение.

– Граф даже не замечал меня, пока отец не вынудил его на мне жениться.

– По моему опыту, джентльменов этого типа практически невозможно заставить что-то сделать против воли. Особенно если речь идёт о такой серьёзной вещи, как брак.

Талия поморщилась.

– Вам просто не приходилось встречаться с моим отцом. Уверяю, он произвёл бы на вас неизгладимое впечатление.

– Не сомневаюсь, ваш батюшка отличается...

– Ослиным упрямством и полным отсутствием моральных принципов, – мрачно закончила за него Талия.

– Даже самый упрямый человек на свете не в силах подчинить себе графа Эшкомбского, – невозмутимо продолжил Джек. – Граф ни за что не женился бы на вас, если бы сам не желал того же – видимо, вмешательство вашего батюшки оказалось просто удобным предложением.

В душе Талии пробудилась была робкая надежда, однако она тут же сказала себе, что Джек говорит глупости.

Он явно недооценивает гордость Габриэла. Он бы кого угодно взял в жёны, хоть дикарку из колоний, только бы предотвратить скандал. Теперь же Габриэл всем сердцем ненавидит постылую супругу. Она его за это не винила.

– Боюсь, вы ошибаетесь.

Джек иронично улыбнулся:

– Всё может быть.

Талия покачала головой и хотела было возразить, но тут её отвлек звук тяжёлых шагов, доносившийся со стороны кладбища за церковью.

Она настороженно обернулась и увидела двоих мужчин в моряцких куртках и широких брюках из грубой шерсти. Заметив её, оба застыли как вкопанные.

Отчего-то от вида их мускулистых фигур и обветренных, потемневших от долгого пребывания на открытом солнце лиц Талии стало не по себе. Однако напугала её вовсе не суровая внешность незнакомцев. От них словно веяло опасностью – казалось, эти люди способны на что угодно. Талии отчаянно захотелось кинуться наутёк и спрятаться.

Она инстинктивно попятилась, толком не осознавая, в чём заключается опасность. И вдруг Джек решительно встал у неё за спиной и покровительственным жестом приобнял.

Один из моряков поглядел на викария, и Талия застыла, готовясь к неминуемому нападению.

На некоторое время повисло напряжённое молчание, но тут моряки уважительно кивнули и прошагали мимо, направляясь внутрь церкви.

Ошеломлённая, Талия только покачала головой.

– Боже. – Она повернулась к Джеку и пристально взгляделась в его напряжённое лицо. – Кто эти джентльмены?

– Да так, никто. Не забивайте голову пустяками, – проговорил Джек.

Талию такой ответ отнюдь не обнадежил.

– У них вид отъявленных головорезов.

Джек пожал плечами:

– Головорезы тоже нуждаются в духовном наставлении. Даже больше, чем остальные.

– Но...

– Уже поздно, Талия. – Без предупреждения Джек наклонился и, едва коснувшись губами, поцеловал её в щеку. – Вам пора домой.

Талия даже не стала выговаривать ему за вольность. Она поняла, что Джек нарочно старается поскорее отправить её восвояси.

Но зачем?

Бойтся, что те моряки могут представлять для неё опасность? Или дело в чём-то другом?

– Может, всё-таки вызвать констебля?

– Не надо. – Джек чуть-чуть подтолкнул её в спину. – Не волнуйтесь за меня. Увидимся завтра.

Она послушно зашагала прочь, а когда тропинка резко повернула, и Талия определила, что Джек больше не может её видеть, стрелой добежала до ближайшей рощицы и начала красться обратно к церкви.

Нет, в этих незнакомцах определённо есть что-то подозрительное. Конечно, Джек достоин всяческого восхищения за то, что двери его церкви открыты для всех, однако нельзя допустить, чтобы кто-то воспользовался добротой священника. Негодяи могут причинить ему вред.

Или даже убить.

Придерживая юбки, чтобы не цеплялись за кусты, Талия пробиралась между деревьями, стараясь подавить болезненно сжимающий сердце страх. Да и кто бы на её месте не испугался?

В первый раз с тех пор, как покинула Лондон, Талия осознала, насколько близко находится к дикой природе. В кустах шныряли какие-то зверьки, время от времени тишину нарушало далёкое уханье совы. А ещё страшнее было то, что вокруг не было ни души.

Если что-то случится, криков о помощи никто не услышит.

Талия упрямо помотала головой. Нет, она не отступится и не бросит Джека в беде из-за собственных нелепых страхов.

Наконец она достигла края рощицы. Пригнувшись, перебежала через открытый двор и оказалась около задней стены церкви. Талия прижалась спиной к холодному кирпичу, сердце колотилось где-то в горле.

Изнутри слышались голоса. Решив действовать быстро, пока храбрость ей не изменила, Талия подобралась к открытому окну, молясь, чтобы никто её не заметил.

Хорошенькая будет история – графиня Эшкомбская крадёт по округе в потёмках и подслушивает чужие разговоры!

Талия замерла около высокого подоконника и вскинула голову, заглядывая внутрь. Да это же ризница! Странно. С чего бы викарию вести незнакомых людей туда, где хранятся самые ценные церковные реликвии?

Должно быть, в надежде поживиться мерзавцы силой заставили Джека отпереть дверь ризницы. Церковь, конечно, скромная, однако кое-что из утвари сделано из чистого серебра, а за некоторые редкие предметы любой коллекционер заплатил бы хорошую сумму. Надо скорее бежать, звать на помощь...

Однако, глядя на троих мужчин посреди ризницы, Талия призадумалась.

Не похоже было, что Джека удерживают против воли. Наоборот, создавалось впечатление, что главный здесь как раз он, а двое других только подчиняются. Вот один из моряков достал из-за пазухи кожаный мешочек и передал его викарию.

Джек нетерпеливо дёрнул за тесёмки и вытащил какие-то бумаги.

– Это самые новые карты? – требовательно спросил викарий, разворачивая один из листов и сосредоточенно изучая его.

Тот, что повыше, буркнул что-то утвердительное.

– Клерк из министерства внутренних дел скопировал.

Талия застыла. Святые угодники! В политике Талия разбиралась слабо, но даже она знала, что в министерстве внутренних дел сейчас обсуждаются предстоящие военные действия против Наполеона.

Джек кивнул, не сводя глаз с карты.

– Этот ваш клерк уверен, что никто ничего не заподозрил?

– Уверен, – с лёгким раздражением ответил моряк. – Целое состояние ему заплатил.

Перепуганная, Талия ушам своим не верила. Глядя, как Джек небрежно пожимает плечами, подумала: нет, это не тот добрый викарий, которого все они знали.

Властные и беспощадные нотки в его голосе не померещились Талии – теперь, когда он аккуратно расстелил карты на узком столе в центре ризницы, вид у него был по-настоящему суровый и решительный. А лёгкий французский акцент вдруг сделался намного сильнее. Будто до этого викарий играл заученную роль, а теперь сорвал маску.

– Можете не беспокоиться, получите награду по заслугам, но сначала я должен убедиться, что карты настоящие, – пробормотал Джек.

Второй моряк, пониже ростом, склонился над столом. На обветренном лице читалось недоумение.

– Это же вроде не Франция?..

– Тонко подмечено, месье Хендерсон, – насмешливо произнёс Джек. – Да, перед вами карта Португалии.

– Для чего французам португальская карта?

Джек удовлетворённо улыбнулся:

– Здесь отмечено, где и когда сэр Артур Веллингтон намеревается высадиться вместе со своими войсками. И какую стратегию он хочет применить. – Викарий провёл по карте тонким пальцем. – Очень информативный документ.

«Шпион», пронеслось в голове Талии. Она испуганно прижала ладонь ко рту. Увиденное не укладывалось в голове. Всё это скорее напоминало сюжет приключенческого романа вроде тех, какие она тайком почитывала на сон грядущий.

Кто бы мог предположить, что милый деревенский священник замыслил погубить Британскую империю?

Высокий моряк стоял, скрестив руки на груди, и глядел на карты чуть ли не с неприязнью.

– По мне, так одни каракули, ни черта не разберёшь, но раз вы довольны, до остального нам дела нет.

– Весьма доволен, – с лёгким поклоном ответил Джек. – Объявляю вам благодарность от имени императора.

Моряк только фыркнул.

– Какой нам прок от благодарности Наполеона? Нам деньги нужны.

– Разумеется...

Вдруг Джек запнулся и резко повернулся к окну, словно почувствовав присутствие Талии. Пригнуться она не успела, и их потрясённые взгляды встретились. В тёмных глазах викария мелькнуло нечто, напоминающее сожаление.

– Mon Dieu¹, – выдохнул Джек и, оттолкнув стол, кинулся к боковой двери.

Вскрикнув, Талия подхватила юбки и метнулась к ближайшей тропинке. Она бежала, не разбирая дороги, лишь бы спастись.

Хотя шансов у Талии с самого начала не было.

Даже если бы не многочисленные слои юбок, верхних и нижних, она не могла тягаться с сильным, здоровым мужчиной.

Талия очутилась в железной хватке своего преследователя прежде, чем успела выбежать со двора. Она попыталась вырваться, однако тот крепко прижал её к мускулистой груди. Джек наклонил голову и прошептал ей на ухо:

– Жаль, что вы не последовали доброму совету, та petite².

¹ Боже мой (фр.).

² Моя крошка (фр.).

Глава 6

Обстановку клуба для джентльменов на улице Сент-Джеймс составляла добротная английская мебель и потёртые ковровые дорожки, тянувшиеся от столовой до укромных карточных салонов. На покрытых белой штукатуркой стенах висели картины маслом, в основном посвящённые любимому развлечению аристократии – охоте, а с потолка свисала массивная люстра, сияющая в свете яркого утреннего солнца. В здании пахло красным деревом, кожей и табачным дымом.

Обычно обстановка в клубе действовала на Габриэла успокаивающе.

Однако этим утром он был настолько взвинчен, что никак не мог сосредоточиться на свежем номере газеты «Таймс», который читал, сидя у окна. Габриэла безумно раздражала суэта слуг в чёрных бриджах, а также приглушённые разговоры устроившихся за соседними столами джентльменов.

Надо было остаться дома, с досадой подумал он.

Чаще всего Габриэл завтракал в превосходно меблированной малой гостиной, окна которой выходили на розовый сад, а не на невзрачную узкую улочку, как здесь. К тому же его домашний повар готовил гораздо лучше. А главное преимущество – в своём особняке можно спокойно поесть в одиночестве. Здесь же светские сплетники глазеют на него с таким откровенным любопытством, что остаётся только зубами от злости скрипеть.

Увы, весь прошедший месяц Габриэл сторонился общества. Однако, дабы не предстать трусом в глазах мнимых светских приятелей, пришлось волей-неволей возвращаться к прежней жизни.

А это означало проводить не менее часа в клубе, ездить к портному и посещать конный аукцион «Таттерсолз», даже если твоё появление в данных местах вызывает поистине нездоровый интерес.

Габриэл отбросил в сторону недочитанную газету и нервно поправил простой галстук, который надел с голубым сюртуком и жилетом цвета слоновой кости. Габриэл опустил мрачный взгляд на носки тщательно начищенных сапог.

Впрочем, неудивительно, что он в таком отвратительном настроении.

Габриэл прекрасно понимал, кто во всём виноват.

Его жена, чтоб ей пусто было.

Габриэл плотно сжал челюсти. Чёрт возьми! Он нарочно отправил её в Девоншир, чтобы дать понять: с него где сядешь, там и слезешь. Пусть учится жить по его правилам, иначе пожалеет.

Шёл день за днём, однако Габриэл тщетно ожидал от супруги письма с мольбами позволить ей возвратиться в Лондон. Упрямое молчание Талии выводило его из себя.

Что творится в голове этой несносной особы?

Наверняка ведь ждёт не дожждётся, когда сможет наконец вернуться в свой любимый высший свет, чтобы глядеть на всех свысока и наслаждаться новым статусом графини Эшкомбской. Для честолюбивой женщины ссылка в деревню хуже смерти.

Однако экономка несколько раз писала хозяину, сообщая, что Талия быстро завоевала любовь и уважение как слуг, так и крестьян. Миссис Дональдсон и сама не уставала восхищаться новой графиней, заверяя при этом, что Талия чувствует себя в усадьбе как рыба в воде и не выражает ни малейшего желания уехать.

Или воссоединиться с мужем.

Любопытно, что за интригу его супруга затеяла на этот раз?

Напрашивалось самое простое, циничное объяснение: скорее всего, Талия просто хочет усыпить бдительность и завоевать благоволение супруга. Однако поверить в эту версию мешало

одно обстоятельство. Конечно, его крестьяне – народ непросвещённый, однако в людях разбираются получше образованных. Они бы сразу почуяли притворство.

Нет, не может быть, чтобы его супруга оказалась невинной овечкой. Или может?..

Барабания по столу пальцами, Габриэл погрузился в размышления и вынужден был признать, что единственный способ узнать правду – поехать в Кэррик-Парк и не сводить с Талии глаз. В конце концов она непременно выдаст себя и продемонстрирует, что является истинной дочерью своего отца. Или же станет ясно, что Талия – такая же жертва непомерных амбиций Сайласа Добсона, как и сам Габриэл.

Отличная мысль. Из туманных догадок родился чёткий план. Единственный способ разобраться в ситуации – съездить в Девоншир. Так почему бы не отправиться в дорогу прямо сегодня?

И вдруг Габриэл ощутил непонятно откуда взявшееся радостное предвкушение. Однако предвкушал он вовсе не возможность разоблачить жену. На ум невольно пришли их любовные утехы той ночью.

Да, он скучал по Талии!

Что за нелепость. Кругом столько красивых и доступных женщин. Любая готова прибежать к нему по первому зову.

Однако все эти ночи Габриэл провёл один в своей постели, не в силах выбросить из головы образ темноволосой цыганки.

Он как раз упивался воспоминаниями о том, как Талия лежала, распростёртая на кровати, а он двигался всё быстрее, запустив пальцы в спутанные пышные волосы, как вдруг почувствовал, что за спиной кто-то стоит.

Габриэл повернул голову, намереваясь обратить наглеца в соляной столп уничижительной отповедью, но моментально прикусил язык.

Вот это неожиданность!

Перед ним стоял высокий, мускулистый джентльмен в коричневом сюртуке, бежевом жилете, чёрных бриджах и блестящих сапогах. Русые волосы подстрижены намного короче, нежели требовала последняя мода, а лицо было скорее волевым, чем красивым. Хотя золоти-сто-карие глаза частенько искрились весельем, один суровый взгляд этого человека мог обратить в бегство любого изнеженного щёголя, крутившегося поблизости в попытке примазаться к его славе.

Хьюго. Лорд Ротуэлл.

Один из немногих друзей Габриэла.

– Чего тебе? Навис, будто стервятник, – усмехнувшись, произнёс Габриэл. Он уже знал, что, если попросить друга оставить его в одиночестве, никакого эффекта это не возымеет.

Хьюго прищурился, рассеянно поигрывая кольцом-печаткой на мизинце.

– Да вот гадаю, лезть в логово к разъярённому льву или сначала принять для храбрости.

Габриэл указал взглядом на исподтишка следивших за ними любопытных.

– Разъяришься тут, когда кругом одни болваны, – пробормотал он.

– Хм. – С непринуждённой ловкостью прирождённого спортсмена Хьюго расположился в кожаном кресле напротив Габриэла.

– И поэтому ты уже месяц на всех рычишь? Нет, сдаётся мне, тут дело в другом.

– По крайней мере, у меня нет привычки драться на дуэли со всеми, кто мне не по нраву, – тут же парировал Габриэл. – Впрочем, если так и дальше пойдёт, последую твоему примеру...

Хьюго только улыбнулся.

– Сам понимаешь, вечно скрываться не получится. Рано или поздно придётся удовлетворить всеобщее любопытство.

– Всеобщее? Или твоё?

– И то и другое, – не стал спорить Хьюго. – Но я заслуживаю узнать правду первым. Забыл, сколько лет мы дружим? Ещё с Итона, с первого дня, когда я тебе нос расквасил.

Габриэл фыркнул:

– Во-первых, это я тебе нос расквасил, и было за что – ты мою любимую крикетную битку стащить хотел. А вообще-то не думал, что тебя волнуют сплетни.

– Такие сплетни кого хочешь взволнуют – горделивый и неприступный граф Эшкомбский тайно обвенчался с дочкой Сайласа Добсона.

При упоминании ненавистного тестя Габриэл с трудом сдержал закипающую злость.

– Какие уж тут тайны, когда всем всё известно!

– Значит, это правда?

Помолчав, Габриэл нехотя кивнул:

– Правда.

– Вот чёрт! – пробормотал Хьюго.

– Полностью согласен с твоей оценкой.

Однако сжатый ответ Габриэла Хьюго не удовлетворил.

– Полагаю, можно не спрашивать, как ты угодил в такую передрагу, – упрямо продолжил он. – В подобную историю тебя только Гарри мог втянуть.

Габриэл пожал плечами. Хьюго никогда не скрывал, с каким презрением относится к Гарри и его безумным выходкам.

– Да, отчасти тут есть и его вина, – наконец признал Габриэл.

– Отчасти? – Хьюго недоверчиво покачал головой. – Все знают, что Гарри бросил мисс Добсон у алтаря и смылся с её приданым. Кто как, а я лично не удивился.

При мысли, что Талия могла выйти за его брата, Габриэл ощутил нечто, подозрительно напоминающее ревность.

– Я тоже, – согласился он. – Мог бы предвидеть, чем всё закончится. Попался по глупости. Хьюго тихо выругался.

– Верно, дурака ты свалил – почувствовал себя виноватым и женился против воли, хотя сам ни при чём!

– Думаешь, я себя виноватым почувствовал?

– А то нет! Иначе не взял бы в жёны эту торговку.

Габриэл хотел было сказать, что женился вовсе не из-за чувства вины, а из-за угрозы шантажа, однако вовремя сдержался. Во-первых, стыдно было признаваться, что угодил в ловко расставленную западню Сайласа Добсона, а во-вторых, Габриэл подозревал, что и сам не до конца разобрался в собственных мотивах.

– Не твоё дело! – наконец рявкнул он.

После небольшой паузы Хьюго неохотно перевёл разговор на другую тему.

– Ну как, не нашёл братца?

Габриэл покачал головой. Узнав о бегстве Гарри, он тут же направил двух доверенных слуг на его поиски, однако пока ничего нового не выяснил – если не считать слухов, что брата якобы видели на дороге к Доверу.

– Пока нет.

– Вот болван, – пробормотал Хьюго.

– Не может же он вечно прятаться. – Габриэл невесело рассмеялся. – Впрочем, какая теперь разница?

– Да уж, своё чёрное дело Гарри сделал. – Некоторое время Хьюго пристально смотрел на Габриэла, будто не решаясь что-то сказать. – Можно спросить, куда ты спрятал любимую жёнушку?

Габриэл изогнул бровь.

– Думаешь, я её в винном погребе запер?

– Говорят, она в каком-то из твоих поместий, но уж у тебя-то, конечно, хватило бы ума сообразить – так просто от неё не отделаешься. В Темзе утопил, да? – Хьюго усмехнулся жесточайшей шутке. – Или в колонии отправил?

Габриэл ударил рукой по столу так, что чашка с кофе подпрыгнула, а собравшиеся испуганно зашептались.

Но Габриэл всего этого даже не заметил – он не сводил глаз с друга.

– Между прочим, ты сейчас о моей жене говоришь.

Хьюго нахмурился, упрямо выпятив челюсть.

– Вот именно, а жена твоя – наглая выскочка, у которой одни титулы да деньги на уме. Была бы ещё красавица, так нет! Ни внешности, ни вкуса.

Габриэл перегнулся через стол, сам не понимая, с чего вдруг так обозлился.

– Ещё слово скажешь... – угрожающе процедил он.

Сообразив, что выражение лица друга не предвещает ничего хорошего, Хьюго растерянно отпрянул, откинувшись на спинку кресла.

– Чёрт возьми, – пробормотал он. – Что на тебя нашло, дружище?

Габриэл и сам не мог ответить на этот вопрос. Впрочем, сейчас ему было всё равно. Главное – донести до друга, что отныне Талия – член его семьи.

– Никому не позволено оскорблять графиню Эшкомбскую! – прорычал Габриэл. – Включая тебя.

– Она же тебя силой на себе женила!

– Талия... – Габриэл запнулся, не зная, как лучше выразить свои сомнения.

– Ну же, говори.

– Она утверждает, что не хотела выходить замуж ни за Гарри, ни за меня, – наконец признался Габриэл.

Хьюго только отмахнулся:

– Ясное дело. А ты думал, она признается, что хотела в аристократки выбиться? Не такая она дура.

– А вот у меня есть основания полагать, что Талия тоже жертва...

Друг ошеломлённо втянул в себя воздух.

– Ты чего, совсем с головой не дружишь?

Габриэл прищурился:

– Следи за языком, Хьюго.

– Когда женщина не хочет замуж, она просто говорит «нет», и дело с концом. Прошли те времена, когда их силой выдавали. Что мы, варвары непросвещённые? – заспорил Хьюго. – Не хотела бы – не вышла.

Габриэл неоднократно повторял себе то же самое, но сейчас еле сдержался, чтобы не расквасить приятелю нос, совсем как в далёком детстве.

– Ты, наверное, ни разу Сайласа Добсона не встречал?

Хьюго скривился:

– Жуткий тип, но когда доходит до дела, котелок у него варит. Даже я в его последний проект деньги вложил.

– Тогда тебе известно, что Сайлас Добсон злобный тиран, такой, если что-то решит, кого хочешь заставит плясать под свою дудку – и я тому живое подтверждение.

– Это ещё не значит, что мисс Добсон...

– Графиня Эшкомбская, – поправил Габриэл.

Хьюго поморщился:

– Так вот, это ещё не значит, что твою жену он тоже силой принудил. Что, если они с папашей вместе это дельце провернули?

Габриэл нетерпеливо мотнул головой. Ничего, скоро он сам узнает правду.

– Обманщица Талия или нет, теперь она моя жена.

Досада Хьюго сменилась сочувствием.

– Что верно, то верно, – пробормотал он. – Сделку с дьяволом Гарри заключил, а в залог оставил твою душу.

Габриэл только глаза закатил.

– Тебе бы с такими пафосными речами на сцене выступать.

– Просто...

Но тут Хьюго умолк, заметив лакея в знакомой серебристо-голубой ливрее дома Эшкомбов. Тот остановился напротив Габриэла и протянул хозяину сложенную записку.

– Простите за беспокойство, милорд, – извинился лакей. – Это только что доставили из Девоншира. Посыльный сказал, что дело срочное.

– Благодарю.

Габриэл думал, что появились новости о брате, и никак не ожидал, что экономка будет умолять его как можно скорее приехать в Кэррик-Парк. А когда дочитал записку до конца, от потрясения кровь в жилах похолодела. Габриэл вскочил так порывисто, что уронил стул.

– Чёрт. Надо ехать.

– Ехать? – Хьюго немедленно последовал примеру друга. – Куда?

– Радуйся, накаркал, – ядовито бросил Габриэл, сам понимая, что просто пытается скрыть свой страх.

Хьюго наморщил лоб.

– В каком смысле?

– Моя жена пропала, – ответил Габриэл и, развернувшись на каблуках, направился к двери. – Молись теперь, чтобы она была жива и здорова.

Несмотря на нанесённый войной урон, располагавшийся к югу от Парижа замок всё же сохранил следы былого очарования.

За образующими идеальный квадрат стенами скрывался внутренний двор. По углам стояли две башни старинного вида – видимо, остатки предыдущей постройки, предположила Талия. Из того же материала были выстроены крылья замка. Золотистый камень искрился на солнце. Вдоль одного крыла тянулась крытая терраса, поддерживаемая арочными сводами. По ней можно было дойти до главного здания, парадное крыльцо которого состояло из двух величественных каменных лестниц. Над огромными окнами виднелись резные каменные карнизы.

Многие из садовых скульптур и мраморных фонтанов были уничтожены во время нападения бунтовщиков, однако внутреннее убранство просторных залов, элегантных салонов и изящных галерей осталось нетронутым. Талия не могла не восхищаться окружающей её утончённой красотой, даже несмотря на то, что была пленницей в этом замке.

Да и кто бы остался равнодушным при виде бесценных картин и скульптур, гигантских гобеленов, мозаичных паркетных полов и великолепных фресок, украшавших высокие потолки?

Стоя в одной из длинных галерей, Талия прислонилась к одной из покрытых канелюрами колонн возле высокого сводчатого окна и устремила взгляд вдаль, на дорогу.

Уже не в первый раз, с тех пор как её привезли сюда три дня назад, Талия подумала: а может, просто выйти за дверь и направиться куда глаза глядят? В конце концов, она здесь одна, и наверняка успеет уйти далеко, прежде чем её хватятся.

Увы, Талия была не настолько глупа, чтобы надеяться, что вернуться в Англию будет проще простого.

Во-первых, Талия не говорила по-французски, во-вторых, у неё не было при себе ни денег, ни документов. А главное – в её распоряжении нет никаких средств передвижения, кроме собственных ног. В лучшем случае её арестуют в первой же деревне. В худшем можно

наткнуться на один из многочисленных французских патрулей, с завидной регулярностью появлявшихся в окрестностях замка.

И уж они-то с ней церемониться не станут. Не то что Джек Джерард.

Хотя вернее будет сказать не Джек, а Жак. Талия глубоко вздохнула.

Как ни возмущало Талию это похищение, она отдавала себе отчёт, что в сложившейся ситуации Джек мог обойтись с ней гораздо хуже.

Поймав Талию возле церкви, Джек отвёл её к небольшой лодке, скрывавшейся среди местных рыбацких судов, а двух моряков посадил на вёсла. Вскоре они подплыли к быстроходной яхте, стоявшей на якоре в укромной бухте. К счастью, Джек тут же отослал двух своих головорезов обратно в Лондон и передал Талию в руки французской команды. Те обращались с ней будто с принцессой крови, всячески проявляя заботу и предупредительность.

Затем они приплыли во Францию. Дорогу до замка Талия практически не запомнила. Она ехала одна в карете, которая долго неслась на сумасшедшей скорости по тряской дороге, а если и останавливалась, то ровно настолько, чтобы Талия успевала быстренько сбежать в кусты.

По прибытии в замок ей предоставили возможность свободно перемещаться по его территории. Однако Талия старалась держаться подальше от крупных пристроек, в одной из которых размещались раненые солдаты, а в другой – с десятков детей, видимо сирот.

Но этим утром Талия предчувствовала, что вскоре её уединение будет нарушено. Приняв ванну, она обнаружила, что платье, которое она носила с самого дня похищения, загадочным образом исчезло. На его месте обнаружился роскошный наряд тёплого золотистого оттенка. К нему прилагались того же цвета туфли и дорогое бельё, при виде которого Талия покраснела.

Пришлось волей-неволей облачиться в принесённую одежду. Горничную Талии не предоставили, поэтому она заплела волосы в простую косу. Глупо сидеть в четырёх стенах только потому, что из гордости не можешь принять новые вещи.

Талии уже надоело ждать, когда по галерее наконец разнеслось эхо шагов. Приготовившись к неизбежному, она обернулась и увидела приближающегося Жака Жерара.

Талия саркастически улыбнулась, обратив внимание на элегантный, подогнанный точно по стройной фигуре тёмно-серый сюртук. Белый галстук был завязан по последней моде, чёрные панталоны эффектно облегали мускулистые ноги.

Скромный викарий превратился в надменного щёголя. Такая уверенная, властная манера обычно свойственна только высокородным. Не в первый раз Талия задумалась: кто же он такой на самом деле?

Для крестьянина слишком образованный, однако аристократов ненавидит всей душой.

Не человек, а загадка.

Остановившись напротив Талии, Жак поцеловал ей руку – пожалуй, поцелуй длился даже слишком долго. При этом он не сводил глаз с её фигуры.

– Bonsoir, та petite³, – произнёс Жак. Взгляд его остановился на отделанном брюссельским кружевом глубоком декольте. – Вижу, модистка постаралась. Выглядите изумительно. Жаль только, что вы столь угрюмы. Могу я что-то для вас сделать?

Под пристальным взглядом Жака Талия невольно покраснела. К такому откровенному восхищению она не привыкла. Но, как ни странно, в этот раз она нисколько не смутилась, да и язык не отнялся, а ведь так обычно и случалось, стоило мужчине удостоить её вниманием.

Возможно, жизнь вдали от отца и его вечных придилок пошла Талии на пользу – характер её стал намного сильнее. А может, высокое положение графини Эшкомбской придало ей уверенности.

³ Добрый вечер, моя крошка (*фр.*).

Или дело в другом. Жак никогда не смеялся над ней, не считал глупой уродиной. Напротив, он всегда относился к ней с симпатией и уважением. Для Талии это было в новинку. Да, Жак вёл себя весьма мило, шепнул ехидный голосок. Пока не выяснилось, что он шпион.

Талия гордо вскинула подбородок и твёрдо встретила его взгляд.

– Вы уже кое-что сделали. – Она провела ладонью по дорогой материи платья. – Вам прекрасно известно, что я не приняла бы от вас подачки, не прикажи вы забрать мою собственную одежду.

Жак чуть сжал её руку, затем отпустил.

– Это подарок, а не подачка. Вам, должно быть, известно, что французы издавна славятся умением одеваться. Я просто счёл своим долгом избавить вас от жалких обносков.

– Моё платье трудно назвать обносками, тем более жалкими.

Жак протестующе взмахнул рукой. Глаза светились откровенным озорством.

– К тому же вы моя гостья. А долг хозяина – хочу заметить, весьма приятный долг – заключается в том, чтобы обеспечить гостей всеми удобствами.

– Я пленница, а не гостья.

– Пленница? – Жак вскинул брови, изображая недоумение. – Вы что же, видите здесь решётки на окнах? Или я заковал вас в кандалы? Нет, ваша свобода ничем не ограничена.

– Только не надо притворяться, будто я приехала к вам погостить по доброй воле, – укоризненно произнесла Талия.

– Ну что вы, та petite, – ласково произнёс Жак, проведя пальцем по её щеке. – Вам же никто не причинил вреда.

Талия отпрянула, задетая его снисходительным тоном.

– Всю жизнь мной командовали, распоряжались и заставляли что-то делать против воли, месье Жерар, – процедила она сквозь стиснутые зубы. – Как же глупа я была, когда решила, что, приехав в Кэррик-Парк, смогу сама распоряжаться собственной судьбой и обрету друзей, которые меня в этом намерении поддержат.

В глазах Жака промелькнуло нечто, напоминающее раскаяние. Затем он взял её за подбородок и мрачно произнёс:

– Oui⁴, и впрямь глупая надежда. Вам не пришлось бы долго наслаждаться независимостью, вскоре вы бы её утратили.

Талия нахмурилась:

– Выражайтесь яснее.

– Напрягите свой ум, Талия, – велел Жак.

– Перестаньте говорить загадками.

– Вы не смогли бы оставаться одна в Кэррик-Парке.

– Это ещё почему? – возразила Талия. – Такое положение вещей устраивало и меня, и моего мужа.

Жак криво усмехнулся:

– Говорите за себя. Уверяю, вскоре ваш супруг приехал бы к вам в Девоншир, либо забрал обратно в Лондон.

При упоминании Габриэла Талия застыла. Она старалась не вспоминать о нём. В первые несколько часов после похищения Талия питала нелепую надежду, что сейчас появится муж и придёт ей на выручку. Можно подумать, Габриэл стал бы спасать нелюбимую жену, даже если бы каким-то чудом узнал, что с ней произошло. Как глупо.

– Что за чушь, – с нескрываемой горечью проговорила Талия. – Он был только рад избавиться от меня.

Жак посмотрел на неё, как на глупенькую.

⁴ Да (фр.).

– Вовсе нет, граф Эшкомбский просто хотел наказать вашего отца за то, что тот посмел его шантажировать, – возразил он. – А убедившись, что поставил на место и вас, и Сайласа Добсона, он непременно заявит права на законную супругу.

Увы, Талия до сих пор не могла забыть, как Габриэл пришёл заявить на неё свои права в первую брачную ночь. Она поспешно отогнала прочь неуместные воспоминания. Да что с ней творится?

– Вы ничего не знаете. – Талия сделала шаг назад, радуясь, что Жак Жерар не умеет читать мысли. – Габриэл жалеет о том, что ему пришлось на мне жениться.

Жак прищурился:

– Даже если это правда – в чём я очень сомневаюсь, – он не может вас игнорировать.

– Почему?

– Потому что вы графиня Эшкомбская, а не жена его слуги.

– Можете не напоминать, – дерзко ответила она. Конечно, свадьба их пышностью не отличалась, однако брак был заключён на законных основаниях. Габриэл даже нарочно пришёл к ней, чтобы...

Нет.

Нельзя об этом думать.

– Значит, вы должны понимать, что, как бы граф Эшкомбский ни относился к вам лично, гордость не позволит ему стать предметом насмешек.

К счастью, слова Жака помогли Талии стряхнуть наваждение.

– Со временем он сделает всё возможное, чтобы ввести вас в высшее общество.

От одной мысли Талия содрогнулась. Нет, лучше уж гнить во французской тюрьме.

– Граф не может заставить общество принять меня.

– Ещё как может. – Жак убрал с её щеки выбившуюся прядь. – Возражать они не посмеют, и скоро весь высший свет будет у ваших прекрасных ног.

По галерее разнёсся невесёлый смех Талии.

– Что за вздор!

Жак пожал плечами:

– Впрочем, разыгрывать роль светской львицы – не самая главная задача графини Эшкомбской.

– И какова же, по-вашему, главная задача?

Жак подошёл так близко, что Талия ощутила его тепло, и взял её лицо в ладони.

– Уж это вы должны понимать сами, несмотря на вашу неопытность.

Сердце Талии дрогнуло.

– Месяе...

– Просто Жак, – поправил он сдавленным голосом.

– Жак, – нехотя пробормотала она. – Вы снова говорите загадками.

– Хорошо, выражусь конкретнее. – Жак насмешливо улыбнулся. – Первая и основная обязанность графини Эшкомбской – произвести на свет наследника титула, та *petite*.

Талия резко втянула в себя воздух. Однако потрясла её вовсе не дерзость Жака, в открытую обсуждавшего подобные темы, а собственная реакция на его слова о ребёнке – рвущая сердце тоска.

Талия была отнюдь не глупа. Перед свадьбой она думала о том, что Габриэлу наверняка понадобится наследник, однако ей и так уже пришлось перенести слишком много разочарований, поэтому давать волю мечтам Талия не смела. Разве можно надеяться родить ребёнка, когда неизвестно даже, сумеет ли муж заставить себя разделить с ней постель?

После первой брачной ночи, когда стало ясно, что Талия не забеременела, она запретила себе даже думать о детях. Видимо, Габриэлу вполне хватает любовниц в Лондоне, а жену он

видеть не хочет. Талия старалась всячески подавить заветное желание взять на руки своё дитя, иначе можно впасть в полное отчаяние.

– Я...

Приняв смятение Талии за стыд, Жак погладил большим пальцем по её покрасневшей щеке.

– Вы и впрямь удивительно невинны.

– Не настолько, как вам кажется, – сухо ответила Талия.

– В невинности нет ничего дурного. По-моему, это очаровательно. – Тёмные глаза вспыхнули от пугающей страсти. – Вы обворожительны.

Талия в испуге отпрянула:

– Прекратите немедленно.

Жак скрестил руки на груди, внимательно наблюдая за её реакцией.

– Что прекратить? – спросил он. – Вам неприятно, что забыть о существовании мужа не удастся, рано или поздно он вторгнется в вашу жизнь и потребует исполнения супружеского долга?

– Мои отношения с графом Эшкомбским вас не касаются.

– Просто хочу показать, что ваша сельская идиллия не продлилась бы дольше пары недель, – упорствовал Жак. – Вы должны благодарить меня за то, что спас вас от горькой участи. С ним вы никогда не были бы счастливы.

– Спасли? Вы меня похитили, а не спасли, – резким тоном напомнила Талия. – И вообще, вы понятия не имеете, что мне нужно для счастья.

Губы Жака изогнулись в самодовольной улыбке.

– Думаете, та *petite*?

Содержавшийся в вопросе намёк заставил Талию вспыхнуть.

– Не говорите глупостей.

– Я вас очень хорошо знаю. Для вас величайшее счастье помогать нуждающимся, а в балльных залах и гостиных вам будет неуютно. – Взгляд Жака скользнул по её открытому корсажу. – К тому же вряд ли вам хочется, чтобы человек, который презирает вас, использовал вас в качестве племенной кобылы.

Талия резко отвернулась, не желая давать понять, что за ребёнка отдала бы всё на свете. Произвести на свет дитя, которому можно отдать всю любовь, отвергнутую другими...

– Хватит, – выдавила Талия.

Жак наклонился и, положив руки ей на плечи, жарко зашептал на ухо:

– Здесь ваши таланты оценят по достоинству, та *petite*. Работы у нас много, а вот людей не хватает.

Талия покачала головой.

– Я не собираюсь предавать родину.

– Пойдёмте, – крепко сжав руку Талии, Жак повёл её к высоким сводчатым окнам, выходящим на задний двор.

Талия невольно улыбнулась, увидев, как с десятков детей от пяти до пятнадцати лет бегают по двору среди разрушенных статуй и фонтанов, играя с дворовой собакой.

– Смотрите, Талия, – требовательно произнёс Жак. Голос его подрагивал от искреннего пыла. – Эти дети не имеют политической принадлежности. Они просто дети. Единственное, что они знают о войне, – из-за неё дома их были уничтожены, а родные убиты. Подумайте, сколько хорошего вы могли бы для них сделать.

Талия почувствовала, что невольно поддаётся.

Месяц, проведённый в Девоншире, доказал, что её призвание – помогать нуждающимся, в чём бы эта помощь ни заключалась: готовить обеды для больных на собственной кухне или организовать в деревне строительство новой школы.

А эти несчастные сироты нуждаются в столь многом...

Талия тяжёло вздохнула:

– Вы используете запрещённые приёмы.

– Цель оправдывает средства.

Эти слова помогли Талии преодолеть минутную слабость. Она решительно повернулась к Жаку.

– И долго вы намерены меня здесь удерживать?

Жак демонстративно поднял голову, любуясь прекрасными полотнами Рубенса в позолоченных рамах и бесценными люстрами из венецианского стекла.

– Эти апартаменты недостаточно хороши для вас?

Талия поджала губы. Всё-таки Жак мог быть очень обаятельным, когда хотел.

– Просто хочу узнать, каковы ваши планы на мой счёт.

Жак, будто машинально, поправил кружева на её корсаже.

– Не бойтесь, Талия. Как только полученная мной информация утратит актуальность и Веллингтон будет разгромлен, я лично сопровожу вас обратно в Девоншир. – Жак помолчал. – Впрочем, надеюсь, к тому времени мне удастся уговорить вас остаться со мной.

Однако Талию это обещание нисколько не обнадежило.

– Как вы можете так спокойно говорить о том, что совершили? Разве не понимаете, что теперь сотни, тысячи британских солдат погибнут из-за вас?

– Однако сотни, тысячи французских солдат будут спасены, – тут же парировал Жак. – На войне как на войне, та petite.

– Осмелюсь напомнить, войну эту развязал ваш безумный император, одержимый идеей захватить весь мир. – Талия бросила презрительный взгляд на мраморный бюст Наполеона, возвышавшийся на пьедестале из тикового дерева. – Как вы можете служить такому человеку?

Глава 7

– Отвечу вопросом на вопрос, – проговорил Жак. Лицо его мгновенно приобрело жёсткое, угрожающее выражение. – Как вы можете сохранять преданность душевнобольному королю и его идиоту сыночку, которого собственная внешность волнует больше, чем тысячи голодающих, живущих в невыносимых условиях?

Талия опустила глаза – увы, возразить было нечего. А соглашаться с Жаком она не собиралась. К тому же этот человек сам постоянно предаёт людей, которые ему доверяют, и её собственный пример это только лишний раз доказывает.

– Похоже, мы с вами никогда не договоримся.

– Думаете? – С серьёзным видом Жак ожидал, когда Талия посмотрит на него. – На самом деле у нас много общего.

Талия застыла.

– Например?

Жак запнулся, будто жалея об излишней откровенности. Затем чуть пожал плечами и отвернулся, устремив взгляд на носившихся по двору детей.

– Мой отец был скульптором. Работы его заслужили одобрение короля, и Людовик пригласил его ко двору, – тихим, сдавленным голосом произнёс Жак. – Отцу поручили изваять несколько статуй для сада Тюильри.

Талия вглядывалась в его профиль, чувствуя, как Жака терзает затаённая боль.

– Должно быть, он очень талантлив.

– Был.

– Простите. – Талия нервно кашлянула. – Ваш отец скончался?

– Когда я был ещё ребёнком. – Жак горько улыбнулся. – К счастью, мне удалось разыскать некоторые его скульптуры.

Всё раздражение Талии было забыто. Она подошла и положила руку ему на плечо, желая утешить. Талия сама лишилась матери, когда была ещё совсем девочкой. Ни один ребёнок не должен переживать такие страдания.

– С удовольствием посмотрела бы на статуи вашего отца.

– Я вам покажу. – Жак обернулся и посмотрел на её полное сочувствия лицо. – Вы бы ему понравились.

Под пристальным взглядом Жака Талии стало не по себе.

– Что с ним случилось?

Жак запнулся. Он явно не привык рассказывать о своём прошлом. Затем глубоко вздохнул:

– До того, как выйти замуж за отца, моя мать была актрисой. – Черты лица Жака смягчились. – Она была настоящей красавицей.

– Охотно верю.

Жак и сам был весьма недурён собой.

Он коротко кивнул:

– Merci, та petite. Однако, к сожалению, красота для женщины может быть не только даром, но и проклятием.

– В каком смысле?

Странное замечание Жака удивило Талию. Разве красота не главное достоинство женщины? Господь свидетель, ей всю жизнь ставили в вину, что она посмела родиться недостаточно миловидной.

– Король пригласил отца провести пару недель в Версале, – продолжил Жак. – Тот, разумеется, был на седьмом небе от счастья. Человеку искусства не прожить без богатых покровителей. В Версале отец рассчитывал получить много хороших заказов.

– Отец взял вас с собой?

– Нет, я остался дома, в Париже, под присмотром гувернёра. Однако мать отправилась во дворец вместе с ним. – Жак плотно сжал челюсти. – Не прошло и нескольких дней, как внимание на неё обратил граф де Рюбель.

Талия нервно прикусила нижнюю губу. Она уже предвидела, какое направление примет рассказ.

– Будучи высокопоставленным аристократом, граф считал само собой разумеющимся, что для моей ничтожной матери огромная честь разделить с ним ложе. Слышать «нет» он не привык.

Увы, подобными историями никого было не удивить.

Женщины, не защищённые богатством либо влиятельной роднёй, легко становились жертвами непорядочных сластолюбцев.

Впрочем, даже большое состояние не всегда способно обеспечить женщине свободу и покой, мрачно подумала Талия.

– И что же... граф де Рюбель принудил её силой?

Глаза Жака сверкнули бешеной яростью.

– Именно это он и пытался сделать, когда его застиг мой отец и пронзил мерзавца шпагой.

– Поделом, – сурово проговорила Талия.

Губы Жака искривились в горькой усмешке.

– При дворе на вещи смотрели по-другому, та *petite*. Никто не собирался превозносить моего отца. Хотя он не убил графа, а только ранил, его заключили в Бастилию и приговорили к смертной казни.

Ужасная история потрясла Талию до глубины души.

– Соболезную.

– Спасибо. – Не в силах продолжать, Жак умолк. Лицо его исказили ярость и боль, он никак не мог совладать с собой. – Отец был трудолюбивым, порядочным, честным человеком, а его прикончили, будто бешеного пса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.